

ЛитРес:

АНДРЕЙ БУЛЫЧЕВ

СОТНИК ИЗ БУДУЩЕГО

НАЧАЛО ПУТИ

12+

Сотник из будущего

Андрей Булычев

Сотник из будущего. Начало пути

«Автор»

2020

Булычев А.

Сотник из будущего. Начало пути / А. Булычев — «Автор»,
2020 — (Сотник из будущего)

ISBN 978-5-532-17850-2

Отставной офицер МЧС Сотников Андрей нашёл во время рыбалки на Новгородчине древний Игнач Крест. Именно от него во время монгольского нашествия на Русь тумыны хана Батые, повернули резко прочь, не дойдя каких – то 200 вёрст до Великого Новгорода. Он переносится в начало 13 века, слившись сознанием и телом со своим древним предком, отставным сотником княжьей дозорной сотни и его тёзкой Андреем. За доблестную службу тот сотник жалован вотчиной, где в отстроенной усадьбе проживает вместе со своим младшим сыном Митей. У Андрея есть выбор, жить себе спокойно, зная, что орда до него не дойдёт, или же окунуться с головой в события лихого 13 века, помогая предкам отстаивать свою землю от ударов из степей с юго-востока, а так же от многочисленных западных врагов. В помощь же ему - знание истории, да слившиеся навыки офицера и боевого командира из 21 и 13 века. А так же любовь и преданность своему единому отечеству Руси/России и укрепляющая дух Святая Православная вера!

ISBN 978-5-532-17850-2

© Булычев А., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Часть первая	5
Глава 1. Битва на Калке	5
Глава 2. Крест	9
Глава 3. В усадьбу	16
Глава 4. Инвентаризация	22
Глава 5. Волчок	27
Глава 6. Лесная борть	29
Глава 7. Половецкий поход	32
Глава 8. Ратный труд и ученье	36
Глава 9. Плотницкая артель	40
Глава 10. На сохатого	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Андрей Булычев

Сотник из будущего. Начало пути

Часть первая

Игнач Крест. Начало

Глава 1. Битва на Калке

Майский ветерок развеивал многочисленные стяги русских князей и половецких ханов, что величаво сидели на «красном» помосте в своих дубовых резных креслах, специально по такому случаю доставленных в порубежный городок Заруб.

По бокам помоста стояли лучшие мужи в блестящих и сверкающих на солнце доспехах. Ещё дальше и вокруг всех расположилась старшая княжья гридь и ханская стража. Всё должно было показывать силу и величие союза Руси и половецкой степи. Страшен должен быть такой союз. Больше шестидесяти тысяч копий собрал он у Зарубского брода на реке Днепре.

Бойся и трепещи, враг!

Но перед помостом стояло всего три степных воина в простых стёганных халатах, подвязанных поясами, а на их обветренных лицах медного цвета не отражалось вообще никаких эмоций, кроме чувства собственного достоинства и спокойствия.

«Монголы, монголы», – шелестел шёпот по дальнему кругу, занятому дружинами русских князей и половецких ханов. Каждому было любопытно взглянуть на тех воинов из дальних степей, что разбили столько сильных ратей и прошли грозой по многим странам, снискав себе славу непобедимых.

И вот они тут, стоят перед ними в качестве послов.

Старший из послов неторопливо оглядел двор, пробежав взглядом по лицам дружины. Затем не спеша оглядел сам помост с сидящими на нём и, выделив из всех киевского князя Мстислава, произнёс хриплым голосом, сильно коверкая слова:

– Конязь урусский! Здравья тебе и все твои дети! И всем хоканам урусским, что видит мой глаз, – и уже дальше на половецком языке, тут же переводимом толмачами: – Я пришёл от великого Чингисхана послом к вам, с миром! Слыхали мы, что вы идёте против нас, послушавши половцев, а мы вашей земли не трогали, ни городов ваших, ни сёл ваших, не на вас пришли, но пришли по воле Божией на холопов и конюхов своих половцев. Вы возьмите с нами мир. Коли побегут к вам, так гоните от себя и забирайте их имение, мы слышали, что и вам они наделали много зла, мы их и за это бьём.

При этих словах вскинулись со своих кресел три присутствующих половецких хана и схватились за сабли, шипя что-то по-своему. Посол же как ни в чём не бывало продолжил:

– Половцы как собаки грызли вас, когда вы были слабы, сейчас же ползают у ног ваших и на нас призывают, когда сами свою слабость чувят. Нет таким доверия, отдайте их нам! И да не прольётся тогда кровь между нами.

Не привыкли князья, когда к ним так, без лести обращаются, вскружило голову осознание своей силы великой, и посекали монгольских послов тут же, прямо перед княжым «красным» помостом.

Стоял Андрей, сотник дозорной сотни князя Мстислава Удатного, и не радовалось сердце его такой скорой расправе. Нет в том чести и доблести, как рубить безоружных послов. Ну да на то воля князья, а он в ней всё равно не участник.

И уже через час со своей дозорной сотней «о три конь» с заводными уходил он по степи в сторону Олешья, порубежного городка, что стоял у самого устья Днепра.

Красиво и раздольно в степи весной. Радует глаз множество цветов, да захватывает дух от обильного разнотравья. Но некогда воинам любоваться на красоты степные. Дело дозорных – первыми обнаружить чужую угрозу, предупредить врага, завязать его боем, задержать и сообщить о нём своему князю. Поэтому зорко вглядываются в безбрежную степь дружинные. Никакой балки или оврага не пропустят они без внимания. По всем древним курганам и холмам частым гребнем пройдут.

И уже через пять дней доложили Сотнику, что обнаружены головными ещё два монгольских посла, что сидят себе спокойно на кошме пологого кургана у пересохшей речки да кумыс там пьют.

– Что хотят послы? – спросил Андрей монголов.

– Вы послушали половцев и перебили послов наших, теперь идёте на нас, ну так идите, мы вас не трогали: над всеми нами Бог. Если и нас погубить хотите, то воля ваша. Мы же всё передали, что нам велено было, – и они застыли с каменными и невозмутимыми лицами.

«Да, отменно разведка монгольская работает, вести до них быстрее наших дозорных доходят!» – подумал Андрей.

– Я с безоружными не воюю, весть вашу князьям своим передам, ступайте же с миром, – и Сотник отчертил стальным стилем по бересте послание князьям. – Всем разобраться по пятёркам, идём на Калку!

Двенадцать дней шло войско к этой степной реке. Два раза дозорные выводили на передовые монгольские отряды союзную рать. И ни один степной воин перед ней не дрогнул, все они как один полегли под копыта коней.

Хмурился Сотник: плохой враг пришёл из степи, сильные духом, спаянные железной дисциплиной да с отменной выучкой были эти воины. Трудно с теми воевать, кто совсем смерти не боится.

А вдвойне трудней, когда в твоём войске единства нет, и каждый князь или предводитель по-своему войну строить пытается да только о своей личной славе и добыче в итоге печётся.

Не за себя волновался Андрей, пожил уже, поди, повоевал с избытком.

В походе этом два сына у него шли – Василь, десятником стражи был у князя Мстислава Удатного, да Илюшка, пятнадцати лет, что в старших детских, в охране галичских ладей состоит. В тех, что идут по реке вместе с главным войском.

И вот за рекой Калкой наконец-то показалась основная монгольская рать.

В очередной раз устроили совет, как свой бой строить. И опять не было единства среди князей. Дружина Мстислава Черниговского встала по обе стороны от переправы, а Мстислав Киевский и вовсе повелел строить укреплённый лагерь на своей стороне да там всем быть и на месте врага ждать.

Но не согласились с ним остальные князья, и пошли рысью, переправляясь бродом, галичане Мстислава Удатного, волынцы Даниила Романовича, Олег Курский со своими, да половецкие рати под командой приставного воеводы Мстислава Яруна.

Андрей со своей сотней шёл наёмом рядом с личной охраной Мстислава Удатного. Князь, как и всегда, летел на врага, словно ястреб, грозный и бесстрашный, а в вытянутой правой руке виднелось его любимое оружие – огромный боевой топор.

Вот защёлкали тетивы грозного степного оружия сложносоставных луков. И покатались в выбитый копытами ковыль первые сбитые стрелами воины.

Голову ниже к холке! И вот около самого виска свистнула очередная оперённая смерть! Сам тоже на полном скаку успел послать во врага одну за другой три стрелы. И вот уже сошлись в поединке две встречные конные лавы.

Сшибка конницы – это как удар молнии!

Со всех сторон слышно ржание коней, посмертный хрип сотен глоток, звон и свист клинков.

Вот высокий и скуластый монгол хлещет боковым в шею. Отбить клинок, и с обратного хвата ответный удар степняку в плечо! Вокруг ударил алой кровью фонтан из обрубка руки.

Жеребец отпрянул резко в сторону, и по шлему Андрея вскользь ударила кривая сабля, всё же распоров в своём нижнем ходе плечевую сталь защиты. Он понимал, что второй удар врага будет уже точен! И, не успевая развернуться навстречу напавшему сзади, Андрей вдруг увидел, как из груди его соперника вырвалось острое жало копья.

– Держись, Сотник! – и к нему подскочил его дружок Филат.

– Спасибо, брат, вовремя ты! Выручил!

И снова в бой.

Удар! Отбой! Снова удар! Прямым хлестом в грудь! Булат на глазах вскрывает кольчугу и прячущиеся за ним кости с хрящами и плотью только что бывшего живым человека, а степной воин уже валится замертво под ноги его коня.

Их лава как сквозь масло прошла через ряды противника!

Ура! Враг дрогнул, он бежит!

Где-то впереди в монгольской ставке ревели трубы и гремели барабаны. И вот один, второй, сотня, другая монгольских воинов развернули коней и, настёгивая их, бросилась из сечи прочь, а половцы с русскими дружинами уходили за ними в погоню.

И вдруг, когда, казалось бы, победа была уже в руках, неожиданно по левую руку, там, где шли половецкие тысячи, раздался дикий многоголосый рёв и шум ожесточённой битвы. И по правую руку, чуть позже – такой же.

Неожиданно половецкие рати сделали резкий разворот, повернув к реке вспять, они сминали и расстраивали на своём пути русские черниговские полки.

Мстислав Удатный сделал единственное, что было можно в этот момент!

Он резко развернул центр своего удара навстречу прорвавшимся с левой руки основным монгольским силам их правого крыла атаки.

– Сотня, за мной! – бросил коня вслед за князем Андрей. И снова конные рати противников сошлись в жестокой рубке.

Первый удар отбит, за ним второй, третий!

Сотник подловил на замахе коренастого, с медными волосами всадника, и хлестом клинка рассёк ему бок. И тут же резкий удар стрелы в правое бедро заставил его стиснуть зубы. Снова удар, только теперь уже копья, распорол броню слева.

Хруст... затрещали рёбра под напором стали. В глазах потемнело, и Андрея повело вбок.

Дальше сознание частями возвращалось, бросая в окутанную болью и шумом реальность, и затем снова гасло. Сотник же только и видел, как между сном и явью его вывозит галопом на своём гнедом жеребце старший сын Василько. А с боков, отчаянно отбиваясь от наседающих монголов, прикрывают их, отступая, ребята его элитной дозорной сотни. И падают, падают, падают они под ударами кривых сабель и оперенных стрел!

От берега Калки уже спешно отчаливали челны галичан и буквально в последний, отчаянно удерживаемый средним сыном Илюхой, его-то и успели внести на щите.

А на берегу всё кипела жестокая сеча! И было видно, что монголы всюду одолевают русскую рать.

Ну а половцев, тех уже и след простыл.

И снова в ушах этот рёв труб и шум барабанов – бум-бум-бум, бум-бум-бум, бум-бум-бум!

Три недели гребли непрестанно на челнах, сменяя друг друга!

Лишь бы подальше уйти от преследователей, что скакали по берегам реки и пускали в них стрелы.

Всё это время Андрей находился между жизнью и смертью и выжил, наверное, только лишь благодаря непрестанной заботе своих сыновей и верных боевых товарищей. Да и не всё ещё сделал, видать, в этой земной жизни пока что наш сотник Андрей!

Ну а русская рать полегла почти вся в той жестокой битве. Из десяти воинов только один смог домой возвратиться. Погибло двенадцать и выжило только девять князей, участвовавших в походе!

Отступающих монголы преследовали на многие дни пути и избивали их всех нещадно.

Страшная участь ждала тех князей и воинов, что укрылись вместе с войском Киевского князя Мстислава в укрепленном лагере. Войском, не поддержавшим своих товарищей в недавней битве и поверившим обещаниям степняков.

Сами монголы же пообещали не проливать кровь русских князей, сдавшихся на их милость. Слово своё они формально сдержали и удавили всех их насмерть, пируя на них сверху, разместившись на тяжелых настилах из досок. Простых же воинов по большей части посекли насмерть сразу, ничуть с ними не церемонясь. Мало кого из них взяли в рабство, что, возможно-то, и похуже даже самой смерти будет.

Но всего этого Сотник тогда не ещё знал. Ему предстоял путь домой и долгое восстановление от полученных в той злосчастной битве ран.

Глава 2. Крест

Где-то тут, совсем рядом, если верить навигатору, он и должен был находиться.

Проехать почти двести километров в сторону Торжка да пройти со спиннингом не один десяток по весьма порожистой речке Поломети и её притокам и не побывать у легендарного Игнач Креста? Нет! Такого Андрей позволить себе точно не мог. Детская, или даже скорее юношеская мечта быть археологом, ну или на худой конец – школьным учителем истории, географии, хоть и не реализованная в реальности, а внимания ко всякой старине требовала стабильно. Ну а уж тут, на Новгородчине, хватало её, этой самой старины, с избытком!

Вот и тащился Андрей по оврагам да по коряжнику навстречу этой вот самой истории.

Именно тут, в этих самых лесах и болотах, почти восемь веков назад прекратила свой бег всё сокрушающая монгольская конница. «Бич Божий», как называли её современники. Залившая кровью и выжегшая перед этим весь восток Древней Руси. Порубившая многие десятки городов, сотни селищ и деревень. Порубившая под корень многие русские рати и разорившая не одно княжество.

Впереди ещё одна земля «урусов» – Новгород! С его златоглавыми куполами Святой Софии, погостами, набитыми дорогами мехами. Златом и серебром богатых купеческих подворий. Да белоликими стройными северянками с их удивительными, небесной сини глазами, что так ценятся всеми, кто только понимает толк в женской красоте. Ну и, разумеется, с нетерпением ждёт их на невольничьих рынках Кафы.

Неделя! Хорошо, десять дней, учитывая всю хлябь местных путей, которые и дорогами-то не назвать, и Новгород падёт под свист стрел и сабель непобедимых степных воинов. Нет силы, способной остановить эту стремительную и всё сокрушающую армию, что построил сам великий Чингисхан!

И вдруг! Когда цель так близка, тумены Батыя вдруг делают резкий разворот и уходят на юг. Прочь от новгородских земель!

Что это? Страх перед новгородской ратью, усталость от длительных переходов по дремучим северным лесам да болотам? Или ещё какое-то необъяснимое чудо?

В любом случае первые две причины – это явно не про монголов! Их трудностями да опасностями было не запугать. В себе они, скованные железной дисциплиной и привыкшие к победам, были тогда более чем уверены. Тут явно чувствовалась какая-то загадка. А как известно, всё загадочное манит. И Андрей, поправив на плечах рюкзак, зашагал туда, куда указывала стрелка походного компаса. По его прикидкам, осталось пройти вот этот поросший сосняком холмик да видневшийся внизу меж деревьев небольшой овражек. А метров через триста или пятьсот он и будет, как показывает это сам навигатор.

Выйдя на край оврага и не успев затормозить, Андрей почувствовал, как почва из-под его ног резко уходит. Его же самого с кустом орешника бросило на дно оврага со всей этой массой глинистой породы, сорванной обвалом с места.

А ведь похоже, что этот самый куст его-то сейчас и спас...

Не будь его, накрыло бы с головой оползнем – и нет человека! А так лещина выступила в качестве того самого островка стабильности, связав между собой все части породы. Да и спружинила она изрядно под весом незадачливого путешественника.

Тем не менее сам удар был очень сильным. Болела и слегка кружилась голова. Саднило руки, спину и всё, что было ниже этой вот самой спины.

Но как говорится, могло быть и хуже!

Главное, что он жив, и похоже, что даже обошлось без переломов и вывихов, подумал Андрей и стал, кряхтя да постанывая, медленно подниматься на ноги с осыпи, попутно стряхивая с себя песок и глину.

«Так, а с навигатором я, похоже, распрощался...»

Тот лежал у большого, с две головы, валуна и красовался разбитым вдрызг корпусом и дисплеем. Сам же рюкзак был на месте. А вот спиннинга, что был с ним весь этот поход, не наблюдалось вовсе. Похоже, что он был погребён под многотонной массой оползня, и достать его уже не было никакой возможности.

Осматривая низ оврага и само место падения, Андрей почувствовал, что «зацепил» что-то боковым зрением. Он развернулся, кряхтя, и... остолбенел!

На обрушившемся склоне белел необычной формы камень. Да нет, не камень! Это был каменище!

И похоже, что открылся он именно этой вот самой осыпью, только что им тут и устроенной.

Всматриваясь, Андрей вдруг начал понимать, что непростой это природный валун! Ну не может у простого камня быть такая сложная и необычная форма. Из земли явно выступала рукотворная геометрическая фигура в виде горизонтальной и вертикальной плоскостей, и похоже всё это было... на самый верх креста! Да, именно креста!

Поднявшись по склону и вглядевшись, Андрей различил на светлом камне следы от обработки. Было заметно, что в своё время этот камень обтёсывали и тщательно шлифовали. Вверх от горизонтальной поперечины выходила и вертикальная, а высотой она была где-то около полутора метров, ну, или чуть больше того. Длина же самой горизонтальной была где-то около трёх. Трудно не составило прикинуть, что внизу, под толщей глины, скрывается примерно такая же часть конструкции. Ну а у самого основания, может быть, и ещё что-то есть. На что-то же опирается и на всём этом держится вот это вот колоссальное и рукотворное сооружение?

– Будем копать!

Охваченный любопытством, Андрей ни на минуту не усомнился в своих действиях. Найти старинный артефакт и не постараться раскрыть всю эту тему?! Нет, это было явно не про него!

Поэтому рюкзак с плеч! С бокового крепления достаём походную МСЛ, то бишь в переводе с армейского малую сапёрную лопату. И за работу! Ибо солнце ещё высоко, и до ночных сумерек часов эдак пять или даже шесть у него точно есть.

Охваченный жаждой деятельности, Андрей даже и не заметил, как пролетели вот эти самые часы. Зато теперь, в свете заката, можно было смело сказать, что трудился он не зря!

Крест, а это был именно он, высился над монолитной плитой из базальта или светлого гранита на высоту не менее четырёх метров. Никаких изображений, письмён или каких-нибудь других линий на нём самом пока видно не было. Но и без всего этого было ясно, что это свидетель глубокой и седой старины. От него так и веяло силой и каким-то особым могучим духом, таким торжественным и суровым! Суровым и в то же время справедливым! И сила та была словно бы осязаемой. Она как будто струилась в окружающем воздухе и пронизывала всё вокруг, в том числе и самого Андрея.

Несмотря на долгую и тяжёлую работу, никакой усталости в теле не чувствовалось, словно сила эта подпитывала и помогала ему в его труде. Оставалось уже совсем немного: подкопать и подчистить само основание креста. А именно ту самую плиту, которая теперь осязаемо виднелась на поверхности.

И нет-нет, а кое-где из-под грунта начали вдруг выступать линии. Они словно складывались в пока ещё непонятное и не осмысленное сознанием изображение.

Осталось всё начисто вымести да протереть, и Андрей подтянул к себе рюкзак. В нём как раз лежало подходящее для такого случая походное полотенце.

«Щёткой оно бы, конечно, удобнее. Ну да и так ладно – обойдёмся». Кто ж знал, что его ждёт такая находка!

Линии на плите образовывали что-то в виде круга, вернее, растянутого в длину овала. А в центре этого овала явно находилось какое-то изображение. А вот понять, какое, было пока ещё очень сложно. Вокруг пока находилось ещё слишком много глины. И тут уже не обойдёшься без скребка, заменить который в этих условиях может разве что охотничий нож. Он как раз висел на правом боку, в красивых кожаных ножнах. Нож этот, кизлярский «Скорпион» из доброй стали, был подарком ребят по выходу на заслуженную военную пенсию. Вот этим самым ножом Андрей и подчистил те самые остатки глины с линий да и смёл всё, что мешало, с плиты.

Наконец взору открылась общая картина. Вот овал из пересекающихся линий, а в центре его явно угадываются очертания рыбы.

«Одна-ако! Что же это выходит? На плите изображение сети с рыбой, в самом её центре, а над всем этим висится крест! О чём тут вообще речь? Крест посвящён каким-то рыбакам или же рыбному промыслу, так сильно развитому в краю озёр и рек Валдая? А, может быть, тут что-то другое?»

Андрей глубоко задумался. Древний Крест, сеть, рыба. Как же всё это вообще связать? А не в этом ли буквально смысл всего? Ведь как известно, рыба и крест – это древние символы христианства! Ещё с тех, ветхозаветных старинных времён!

Взволновавшись, Андрей резко поднялся с колен, пальцы, лежавшие на лезвии ножа, непроизвольно дёрнулись и вздрогнули от резкой боли. С указательного пальца из пореза показалась кровь, и несколько её капель упали точно на только что очищенное изображение рыбы.

Вокруг что-то явно изменилось. Обступавшие вокруг сумерки стали словно бы гуще и плотнее. От самого же Креста и основания плиты начало исходить какое-то необычное перебивающееся голубоватое свечение. В центре самой плиты, там, где стоял Андрей, образовалось матовое полупрозрачное облако.

Все предметы в нём – рюкзак, сапёрная лопата, топорик, да и он сам – всё это выглядело нереально. Формы как бы расплывались и дрожали вокруг. И из этого самого облака напротив вдруг постепенно начала проступать и материализовываться человеческая фигура. Вот стали видны её руки, ноги, обутые в странные то ли сапоги, то ли мокасины или чуни. На самой же фигуре было что-то типа суконной куртки с кожаными вставками. А вот стала видна и голова в шапке густых светло-русых волос да с узким шнурком на лбу. И лицо, выступающее из этого густого облака...

Оно пытливо и насторожённо всматривалось в Андрея.

И было что-то в этом лице отчаянно знакомое...

Ну конечно! Мистика!

На него в упор смотрело лицо самого Андрея! Нет, конечно, отличия в нём были. Глаза голубые, а не карие, как у него. Нос чуть шире, как у нас говорят – картошкой. Скулы острее... и шрамы... На лице отчётливо виднелись многочисленные шрамы. Вот над правой бровью косой, а вот над левой скулой, что возле уха и над верхней губой, ещё виднеется пара.

Эка как же побило тебя да как посекло-то, однако!

И всё равно лицо было очень похоже на его.

Поза у двойника из облака была явно насторожённая и даже, скажем так, угрожающая. Правая напряжённая рука лежала на рукояти короткого меча, который пока ещё находился в ножнах на поясе. В левой тоже угадывалось что-то такое, что пряталось пока ещё в рукаве куртки.

«Похоже, что дела плохи, вот сейчас меня прямо тут и нашинкуют», – подумал Андрей и сделал единственно правильную вещь, выпустив из рук своё оружие – охотничий нож, который с громким звуком ударился о камень.

У голубоглазого напротив в глазах мелькнули удивление и вопрос. Само же лицо явно разгладилось и уже не выглядело столь суровым и угрожающим, как прежде.

– Кто ты, человеке али дух лесной? – раздался вдруг спокойный и уверенный голос.

– Хм... Ну уж не дух лесной-то это точно! А вот человек, это да... можно и так сказать! – усмехнулся Сотников. – Раб Божий Андрей, из Новгорода, – улыбнулся он, представившись. – Рыбачил я на Поломети да вот сюда и забрёл ненароком. А ты кто такой будешь и откуда у тебя такой прикид?

– Андрей из Новгорода, раб Божий, рыбачил на Поломети, – словно взвешивая и пробуя на вкус только что произнесённые фразы, медленно повторил незнакомец. – Мудрёно говоришь, не всё я в твоей речи разумею. Али сам ты не местный, а молвишь, что из Новгорода, али вообще... – и он замотал головой и истово перекрестился двумя пальцами. – Я Андрей из Торопца, сын Хвата из гридней княжих. Сам – сотник дозорной сотни князя Мстислава Удатного! – и добавил, нахмурившись: – Был!

– Вот и познакомились, – вздохнул поражённый происходящим Андрей и протянул руку, при этом глядя тёжке прямо в глаза.

Чуть помедлив, тот снял свою с меча и тоже протянул ему навстречу. И вот когда обе руки коснулись друг друга, произошло нечто, что потом и объяснить-то было просто невозможно! Сильно закружилась голова, в глазах словно вспыхнул яркий свет, а вокруг заматались какие-то световые волны. Сознание замутилось, и Андрей рухнул на плиту!

Сколько он так пролежал, было совершенно непонятно.

Вокруг стояла темнота, где-то далеко ухал филин, доносился лёгкий шум деревьев, что стояли над оврагом, вот тонко пискнула и прошуршала мышь у соседнего куста. Ухо смогло вычленить и определить множество звуков близких и далёких. И запахи! Он чувствовал множество новых для себя и таких странных запахов.

Так характерно пахнут травы и деревья, даже глина и песок имели свои особые, ранее им не замечаемые запахи. А уж вот этот вот запах ни с чем не спутаешь. Так может пахнуть только грязное, давно не мытое в русской бане тело. И ещё этот кислый запах от прелой кожи сапог.

«Словно козёл с суздальского торжища!» – промелькнуло в мозгу. «Интересно, а почему же с Суздальского?» – опять съехидничало сознание.

Стоять! Что за коляды?! С ума тут сходим?! Андрей напрягся и сел.

Головокружение понемногу прошло, и он смог различить отменным ночным зрением, что одет он точно так же, как и его недавний знакомец, и, несмотря на такую вот экзотическую по меркам двадцать первого века одежду и обувь, она его ничуть даже не смущала. И вообще... Она была его!

Так же, как и лежащее напротив грудой изделие фирмы «маде ин Финлянд», прекрасная, кстати, куртка для походов и рыбалки. В ней ему была никакая непогода не страшна! И на удар-разрыв она словно бронезилет, ну-у, как минимум первого класса (умеют же делать финны для своих спасателей, да хоть и тех же рыбаков или туристов).

Обувь – хорошие крекингвые ботинки от той же самой фирмы – ей под стать. Не скупился, когда по случаю покупал в командировке, и ни разу о том не жалел. И вот откуда у него сейчас все эти знания с той открывшейся глубиной сведений и информации из века тринадцатого, что сами собой выплывали из глубины мироощущения?

В общем, налицо – слияние сознания двух личностей, века XIII – Андрея Сотника, отставного воина и командира, и века XXI – Андрея Сотникова, отставного майора МЧС, заработавшего с детства и заслужившего свою кличку Сотник.

Слияние было очень гармоничным, никакого диссонанса как в физической, так и духовной его сущности не было. Все навыки и рефлексy только лишь после этого улучшились. Сознание было крепкое и уверенное, а знания человека Древней Руси и России будущего приобрели огромную базу и взаимно дополняли друг друга как в теории, так и на практике.

В общем, обоим Андреям было абсолютно комфортно. Да и не было деления на того и другого, был он один, и было ему хорошо!

Осталось вот только отдохнуть после такого непростого во всех отношениях дня да и всё хорошенько обдумать.

В качестве места для ночлега лучше всего подходила небольшая полянка шагах эдак в пятистах, ну-у, или в метрах трёхстах от оврага. Был там небольшой ручеёк, чтобы воду набрать в котелок, да и за дровами ходить не нужно, всё там рядом. Ещё загодя, проходя мимо, приметил он стоявшую там сухую сосну. Так что, накинув на плечи рюкзак да походный мешок и прихватив лопатку с вещами, лежащими у Креста, Андрей повернулся к нему лицом, затем глубоко поклонился, перекрестясь, и, шепча про себя вечную молитву, зашагал не спеша в нужное ему место.

Дорога много времени не заняла. Опять порадовало, что видит и слышит он теперь прекрасно.

Уж как дозорному следопыту Сотнику это очень даже будет в помощь!

Затем было несколько минут хлопот по разбивке ночлега, и вот уже в плоском армейском котелке закипает водичка. Осталось только сварить картошечку да с лучком и салом её потом и умять. Андрей расстегнул клапаны и замок рюкзака, достал из него большой пакет и крепко задумался.

Раннее Средневековье. Помимо многочисленных нашествий врагов и эпидемий, перед человеком этого времени всегда остро стоял вопрос голода. Очень частыми были неурожаи и засухи, отчего и вымирали здесь нередко целыми семьями, а бывало, что и селениями да городами. Виной тому в основном были неблагоприятные климатические условия. Холодно-вато было на Новгородчине!

Нередко бывало, что и в июне-то выпадал снег, ну а уж про возвратные заморозки в мае и июне да про затяжные дожди вообще говорить не приходилось.

Вот какое подробное описание страшного голода 1230 года от Рождества Христова даёт писатель историк Николай Михайлович Карамзин в своей «Истории государства Российского»:

«Жестокий мороз 14 сентября побил все озими; между тем голод и мор свирепствовали, цена на хлеб сделалась неслыханная: за четверть ржи платили уже гривну серебра, или семь гривен кунами. Бедные ели мох, жёлуди, сосну, ильмовый лист, кору липовую, собак, кошек и самые трупы человеческие; некоторые даже убивали людей, чтобы питаться их мясом: но сии злодеи были наказаны смертию. Другие в отчаянии зажигали дома граждан избыточных, имевших хлеб в своих житницах, и грабили оные; а беспорядок и мятеж только увеличивали бедствие. Скоро две новые скудельницы наполнились мёртвыми, которых было сочтено до 42 000; на улицах, на площадях, на мосту гладные псы терзали множество непогребённых тел людских и самых живых оставленных младенцев; родители, чтобы не слышать вопля детей своих, отдавали их в рабы чужеземцам. “Не было жалости в людях, – говорит Летописец: – Казалось, что ни отец сына, ни мать дочери своих не любит. Сосед соседу не хотел уломить хлеба!” Кто мог, бежал в иные области; но зло было общее для всей России, кроме Киева. В одном Смоленске, тогда весьма многолюдном, умерло более тридцати тысяч людей».

Жуткое описание реально произошедшего с людьми бедствия!

И всё вот это рядом и грядет всего-то через какие-то шесть или семь лет.

Опять же подсечная и двупольная культура земледелия тут, в этом времени, оставляла собой желать лучшего. Да и с орудиями земледелия, а также с набором сельхозкультур всё было очень и очень даже блёкло.

В итоге что мы всё-таки тут имеем? Озимая рожь да овёс с ячменём и просом на полях. Репа, редька с серой капустой и горохом да лук со светло-жёлтой морковью в огородах. Вот в основном и всё нынешнее разнообразие.

Огурцы со свёклой сюда пока ещё не дошли, а многие культуры так и вообще к девятнадцатому веку только подтянутся. Взять вот тот же картофель да томаты с кукурузой, что пришли к нам из «Нового Света» и десятками лет отвергались упрямо нашим народом! «Репу мы

тут едим, и не надо нам ничего более, а не то бунт вам устроим!» И ведь реально устраивали «картофельные бунты», когда правительство и батюшка-царь пытались настойчиво заставить их его выращивать.

А тут у него в руках воистину сокровище этого мира и времени!

В большом пакете оставалось ещё более чем половина ведра картофеля, несколько луковиц и головок чеснока. И это ещё не всё! Вот в полиэтиленовом герметичном коробе лежала приманка для рыбы. А состоит она из россыпи ржи да пшеницы, кукурузы, гороха и семян подсолнечника. Запарить её. Добавить туда всяких ароматных штучек и корми себе рыбку. Однако сейчас, в свете случившегося, рыбка эта явно может и должна подождать. Кормить теперь мы будем себя и других!

Всё это, если вдумчиво рассмотреть содержимое рюкзака, очень даже пригодится в этом мире.

Так что завариваем чай и... с горбушкой ароматного хлеба из века XIII да вприкуску с беконом уже далёкого века бодро сейчас всё это уминаем. А потом уже можно просто вытянуться на походной пенке и полежать у костра. Полежать и подумать, как же теперь жить в этом старом и одновременно новом для него мире.

В принципе ведь ничего плохого с ним не произошло. Он живой и здоровый, малые дети с женой в XXI веке его не ждут. А его изменившаяся сущность вобрала в себя весь жизненный опыт человека из века XIII и такого далёкого ещё будущего.

У него самого прекрасная реакция и физическая форма. Мышление чёткое, с хорошей памятью и логикой. Боевые навыки воина древности усилились навыками и умениями элитного отставного офицера из века будущего. Чего вот только стоит его КМС по самбо и по рукопашному бою! Ну не зря же он столько лет занимался спортом в детстве и юности да в родном Московском институте МЧС. Согласен, конечно, это не подготовка спецназа... Но ничего, всё это, что и так уже есть, пригодится в этом, ставшим уже теперь родном мире, мире вечных схваток и битв. А цель? Ну, какая у него ещё может быть цель, как не служение своей Родине и своей стране?

Очевидно, что для местного обывателя всё это сложно и непонятно. Каждый тут живёт в своём отдельном княжестве, строго и склочно готов эту самую свободу и независимость отстаивать от любого, будь тот хоть чужой варяг из-за моря или хотя бы тот же соседский Ваня из совсем недалёкой лесной росчищи.

Понятие «единая и неделимая» сейчас тут не просто не поймут и не примут, а пожалуй, что даже признают очень вредным, чуждым и опасным!

Так что с этим надо бы пока поаккуратнее, а то не ровён час на копья и вилы поднимут. Хоть в той же Новгородчине, Галичине или Черниговщине, да хотя бы во Владимире или в Киеве. А то и просто могут взять да и притопить эдак по-простецки в ближайшем болоте или в омуте, чтобы, значит, охальник этот народ мыслями вредными своими не смущал!

– Ибо веками мы тут так жили и живём! И нечего нам тут баламутить, ишь какой выискался!

И всё же есть что-то объединяющее, всеохватывающее и общее для всей вот этой земли. Вера эта христианская православная! Земля эта родная, русская. Да беда грядущая, злая и великая – нашествие Батыево и иго тяжкое монгольское!

Всего-то вот год прошёл, как чудом он возвернулся, посечённый и пробитый, из горькой для русичей битве при Калке. Ещё четырнадцать лет осталось, и вернутся опять монголы той бедой лютой! Разорят они землю Русскую. И обезлюдеет она под пятой ига жестокого. И как не ему-то знать об этом.

Вот что же теперь со всем вот этим ему сейчас делать?!

И сам себе же тихо ответил:

– Крепить Русь бронно и оружно перед приходом орды! Крепиться самому и помогать укрепляться другим в вере православной да с навыками отточенными воинскими!

«Вот и смысл тут всей жизни моей! Сколько бы мне ни осталось её здесь прожить», – подумал Андрей. Вдохнул глубоко пряный аромат разнотравья да и, укрывшись курткой, уснул у потрескивающего тихонько костерка.

Глава 3. В усадьбу

Когда утренний рассвет разогнал тьму на полянке, Сотник уже был на ногах.

– Пора в путь!

До его вотчины, пожалованной князем Мстиславом Удатным и Новгородским Господним советом за службу верную да кровь обильно политую, было неблизко. Полтора, а то и два дня, да и то если поспешать. Хотя шибко спешить-то в лесу не получится. Это, конечно, если ты сам живым хочешь остаться. Тут тебе и зверя лютого да и человека лихого хватает вполне себе и с избытком. Так что поостеречься бы следовало.

Поэтому, наскоро перекусив сваренным кулешом из вяленой лосятины и проса да запив всё душистым кипрейским иван-чаем, Андрей тщательно упаковал всё своё имущество в один большой походный рюкзак. Потом затоптал кострище и, проверив, быстро ли он сможет выхватить притороченный к спине лук со стрелами, направился в сторону захода солнца. Именно там, между двумя лесными речками Дубенкой да Ямницей, впадающими затем в Полометь, и находилось жалованное ему поместье.

За время перехода ничего примечательного с ним, окромя добычи парочки зайцев, не произошло. И уже на Успение Богородицы¹ он был совсем рядом с домом.

Переправившись бродом неширокой, но кое-где глубиной, что и по грудь, Дубенки, поднявшись на покатую у реки возвышенность, Андрей притаился за зарослями крушины и, контролируя окрестности, начал внимательно всматриваться в недалёкое подворье. Оно же состояло из крепкого пятистенка, крытого тёсом, да из пары сараюшек и низенькой баньки, притулившийся поодаль у небольшого озера.

Рядом с домом стоял невысокий худенький паренёк с копной светлых волос и споро так тюкал топориком.

«Не бездельничает Митюня! Вон как поленница-то за время моего отсутствия выросла», – тепло подумал о своём младшеньком Андрей и вышел из-за куста.

– Тятя, тятя! – закричал мальчишка и, бросив топор, стремглав кинулся к нему.

Следом от небольшой сараюшки, около которой жевала ветки пара коз, выкатился тёмный шарик из лап, хвоста и ушей и залился весёлым лаем. Андрей поймал сына на лету, закружил и подбросил пару раз вверх.

Лёгонький-то какой, что щеня. Не намного тяжелее нашего Волчка будет, что крутился радостный у его ног, тут же.

– Ну, будя, будя, – и, погладив по голове, поставил сына на землю. – А вот топор нечего на землю бросать. Топор – это ведь наше первое оружие издревле, а ты, сынок, всегда должен быть готов к бою! – слегка нахмурил брови тятя.

Митя вздохнул и опустил глаза.

– Виноват. Соскучился я, тятя. Больно долго уж тебя не было. Думал, уж не случилось ли чего в пути ненароком, – и истово перекрестился.

– Да пять дней всего-то прошло. Не журись, Митюш, больше уже не оставлю! – И, улыбувшись, он снова погладил светлую головушку.

Сын был у него младшеньким, почти год уж как не стало матушки, жены Андрея – Доброславы. Забрала её с собой за кромку лихоманка злая. Вот и жалел да ластил он как мог малого, пытаясь хоть как-то заменить так не хватающее материнское тепло.

– Тятя, а что это у тебя такое на спине чудное? – кивнул Митя на рюкзак. – Да горшки вон какие-то там привязал, и рогожа али кошма, поди, какая на самом верху?

¹ 28 августа по новому стилю.

– Всё, сынок, объясню да покажу тебе, пошли-ка мы пока в дом. Хочу я с себя всё скинуть да разложить. А тебя же попрошу нашу баньку затопить. С дороги-то да с устатку, сам понимаешь, баня – она самое то будет!

Пока топилась баня, было время оглядеть всё своё хозяйство новым взглядом. Было оно по меркам XIII века весьма неплохим и крепким, хотя с боярским поместьем, конечно, было не сравнить. Нет тут крытого подворья за высоким забором, нет больших хором и кучи снующих вокруг холопов. А всё же очень даже достойно по нынешним меркам, хотя и не без причуд, конечно.

Вот возьмём ту же избу. С виду это обычный пятистенник, правда, крытый тёсом, а не дранкой или привычной соломой. Внутри-то пол из толстенных досок, а не какой-то там земляной да утоптанной и крытый соломой. Не очень-то и позволительная роскошь это по нынешним меркам! Пилорам или лесопилок ведь ещё нет, а попробуй вот ты, скажем, бревно, да к тому же вручную и вдоль, распилить, а хотя бы и расколоть даже, ну или просто расщепить! Семь потов у тебя сойдёт, а времени-то сколько, клиньями всё раскалывать, да ещё и ровнять потом!

На стенах сверкали два небольших окошка из слюды, а не просто мутного бычьего пузыря или же вошёной холстины. Опять же редкая и дорогушая нынче вещь! Зато и в избе от того было светло да опрятно.

А вот и печь. Не печь – а просто чудо-печь! Эдакой-то печью редко какой боярин или князь может похвастать. Печь же была такая, как мы её и представляем в самом XXI веке. То есть стоящую огромную такую посреди избы, с топкой, с лежанкой и с трубой наверху. Но вся «фишка» заключалась в том, что в XIII веке ВСЁ печное отопление изб состояло из очага на полу! А это, считай, всё тот же костёр в камнях, ну пусть даже и обмазанных глиной.

Топились избы на Руси по-чёрному, то есть дым находил себе выход в отверстиях-продухах сверху, ну или ещё через какие-то там боковые щели. Тут же о щелях вообще можно было забыть. Всё законопачено, промазано глиной и побелено извёсткой! Чисто, бело, уютно – аж глаз радуется!

Ну а печь с её хитрыми продушинами, затворками и внутренними печными ходами-камерами, всё для увеличения КПД обогрева – это особый «отдарок» одного иноземного мастера Аристарха, что был обязан ещё князю сотнику Андрею жизнью за своё спасение. И похоже, что своего спасителя он очень уважал. Оттого и сложено всё было на совесть да красиво. А уж грела и готовила она просто изумительно!

Внутри избы, по меркам века грядущего, было всё-таки темновато, это вам Средневековье с освещением из берёзовых лучин да сало-жировых светильников. Восковые-то свечи тут были очень и очень дороги, и позволить их себе могли только весьма и весьма состоятельные люди.

Но со всем этим мы что-нибудь будем делать позже...

А пока Андрей скинул всю поклажу в сенях да разложил оружие в местной «оружейке», то есть в небольшой подклети за печью. Оружие – оно всегда требовало первого внимания. Всё же остальное подождёт!

Посмотреть тут, надо сказать, было на что, хозяин его явно знаток и умелец. Да и воин, похоже, он не бедный. Отдельно стояли обёрнутые вошёным сукном луки. Два охотничьих однодеревка и один степной сложносоставной, состоявший из композита рогов, смолы, сухожилий, металла и ещё много там чего. Всех тайн производства Андрей попросту не знал и знать даже не мог, потому что хранились они мастерами в строгом секрете. В нескольких саадаках-колчанах находились стрелы. Каких же их тут только не было, одних только охотничьих насчитывалось восемь видов. С прямым, косым, широким, узким срезом, долотом и вилкой. Боевые, черешковые и с гранёным наконечником для пробоя брони. Обычные и с полый серд-

цевиной, дающие леденящий звук при полёте. И были тут даже с тупым наконечником – для оглушения и взятия врага живём.

Стояли у стены два арбалета, или, как их ещё называли на Руси, самострелы. Рядом с ними лежали болты россыпью и в специальных кожаных сумочках мешочках, всё для удобства ношения.

Отдельно от стрелкового стояло холодное оружие. Пара мечей разной длины, сабля, лично снятая после поединка с половецким подханком. Топоры, метательные ножи, булавы, копья, секиры и сулицы.

Арсенал был весьма богатый!

Брони и защиты тут тоже хватало. Одних только кольчуг здесь было три. Из них самая маленькая была уже почти что впору Мите. Она висела тут и ждала своего часа.

Сзади, за спиной, раздалось учащённое сопение. Конечно, что может быть интереснее мальчишке, чем оружие?

– Тять, я, пока тебя не было, всё-всё воском навошил и маслом ещё смазал, каждый день ведь его проверял.

– Да я и не сомневаюсь, – улыбнулся Андрей. – Всё в полном порядке, сынок. Небось, опять броньку свою вдоль и поперёк перемерил?

– Великовата пока, но тяжести в ней не чувствую, хоть весь день в ней беги!

– Рановато, сынок, успеется. Два года тебе ещё до княжьих детских ждать. Вот пойдёшь в воинское обучение, так набегаетесь ещё! – и усмехнулся, видно, вспоминая своё.

– Баню затопил, воды в шайки и кадушку наносил, – доложилась малец. – Тять, а можно я всё твоё походное обихожу? Ты это, не сумлевайся даже – всё, я всё, как ты учил, сделаю.

– Да я и не сомневаюсь. Держи! – и Андрей протянул снятые с похода лук с колчаном да короткий меч. – Ты на лук только сверху побольше гусиного жира, Митяй, наложи, я вон, пока вброд шёл, вода на него попала.

Воин всегда воин, хоть в бою, хоть на пиру, а хоть и в переходе с охоты, бродом. И следовал этому правилу Андрей всегда неукоснительно. Поэтому и в этот раз, переправляясь, шёл он с оружием на изготовку. Всякое ведь в пути может быть, а брод, он самое удобное место для засады. Но засады не было, а вот вода была. Она и плеснула немного на самой стремнине. Так что обиходить оружие, конечно же, следовало, и оно было передано мальцу, который и принялся за работу со всей надлежащей для этого прилежностью.

Пока топились банька, следовало побеспокоиться и об обеде.

Достав из походной сумы потрошёного да обложенного для сохранности крапивой зайца, Андрей порезал его крупными кусками, добавил немного сливочного козьего масла, соли, лука да и, сложив всё на гусятницу², задвинул то блюдо в горнило печи. Пусть пока там потомится.

Позже туда же можно добавить и репы с черемшой³ и пряными травками для особого вкуса. А часика через два-три, как раз после помывки, как раз всё и подойдёт. Вот там вместе мы и поснедаем. В саму же баню было лучше идти натошак.

Андрей обошёл двор усадьбы. Скотины у него было немного: парочка коз во главе с кривым козлом Васькой, три овцы с бараном, жеребец Орлик да несколько курей с горластым Петькой. Причём по всему выходило, что козёл тут был за самого главного. Уж больно задиристая, пардон, эта скотина была. Не зря же вон ему глаз-то вышибли!

Самая же большая забота у хозяина была – борти!

В общем-то, это сейчас и был основной их источник дохода. Русь исправно и многие века вывозила за рубеж так востребованные всюду продукты пчеловодства: воск, пергу, прополис, ну, и, разумеется, сам мёд. Хорошие бортевые уголья ценились всегда очень высоко. Удачными

² Глиняная широкая, зачастую с крышкой сковорода.

³ Дикий лук.

в этом плане были они и у Сотника. И всё это благодаря редкому в данной местности обилию липы да цветочных полей равнинного междуречья. Удалось ему с десятков бортей и для себя окультурить, создав при этом мини-пасеку из рубленых и тесаных сосновых колод возле самого дома.

Большого богатства на этом, конечно, не заработаешь, но вот на то, чтобы прожить безбедно, вполне себе даже хватало.

Хотя сейчас, в свете новых, так сказать, открывшихся обстоятельств средств для подготовки к грядущим боям с монголами требовалось просто великое море. А вот где же их брать, пока что вообще было непонятно. И надо бы вот это всё как-то ему теперь решать. Ведь только одна задуманная им воинская школа по подготовке воинских отроков столько всего потребует, мама не горюй!

Очевидно, что помощи тут, конечно, ни от кого не дождёшься. У князей и бояр, что те средства имеют, есть и свои заботы. И даже правильнее сказать – они-то у них и есть, что только что лишь свои, личные и кровные.

Ну, вот какое им дело до тревог и забот по обороне общей державы?! Мошну бы свою личную набить да чужую где отобрать. Зачастую и пристукнув при этом самого хозяина вот этой вот самой мошны.

Феодальную раздробленность и княжки уособицы опять же никто пока не отменял.

Ну ладно, поживём – увидим, хотя была надежда на помощь одного верного человека, с кем подружился он в далёком боевом отрочестве и в походы с ним потом ходил не единожды. Теперь же тот вышел в богатейшие купцы батюшки Великого Новгорода, оставив былую военную службу. А кроме богатства и людей нужных, знал друг и людей, состоящих при большой власти. Ну, об этом можно будет подумать и позже, а сейчас можно бы и в баню, готова уже она, поди.

Баня была простая, по-чёрному. Был это небольшой сруб с открытым очагом внутри и камнями-голышами поверху, кадушка с холодной водой стояла, полоч был с парой шак и берёзовым веником да медный котёл ведра эдак на два для крутого кипятка.

Десятский! Его давным-давно в свой первый поход на половцев взял в качестве законной добычи ещё молодой тогда боевой княжий отрок Андрейка. Вот так тридцать лет он теперь ему и служит. Варит этот котёл пиво осенью да греет воду для субботней бани.

И это всё лучше, чем в дальних походах кормить с десятков копчёных степняков варёной кониной. И, усмехнувшись, Андрей поддал из него крутым кипятком на голяши. Пошла жара!

После бани потрапезничали запечённой духмяной зайчатиной с репой вприкуску, пресными ржаными лепёшками и козым сыром. Запили с Митей из местных глиняных канопок⁴ ржаным тёмным квасом, бьющим своей резкостью в нос, да и легли на боковую.

На дворе уже смеркалось. Андрей пристроился опочивать на длинном сундуке с матрасом-сенником у самой печи, ведь кроватей-то в это время не было. Вот и спали люди, кто на полатах и скамьях, а кто и вовсе где и на чём придётся.

Вытянувшись да расслабив уставшее тело, пересказал Митеньке, как прошло его путешествие. Ну, разумеется, без всяких там чудесных подробностей. Затем по его настойчивой просьбе поведал немного о службе ратной вообще и как она у него самого и с чего начиналась:

– Отдавали для обучения и служения в княжки отроки в моём детстве, сынок, пораньше. Уже в двенадцать годков батя, твой дедушка, Хват Иванович, а во крещении Иван, будучи сам десятником в гриди князя Рюрика Ростиславовича, привёл меня, сопливого тогда мальчишку, в служение к будущему великому князю Мстиславу Удатному. Тот уже тогда отличался воинским задором да сметливостью, но и о дружине своей заботился он, как о себе самом. Хороший

⁴ Небольшая кружка.

командир был, что и сказать... Поэтому-то попасть к нему было совсем не просто. И вот стоим мы, значит, у княжьего терема, да и спускается тут Мстислав Мстиславович с ближниками, приближёнными лучшими воинами боярами своими, по ступеням. Отца-то он хорошо знал, как-никак отменный воин в дружине его дяди Рюрика батька был, да и в походы вместе они не раз хаживали, вот и вопрошает князь его: «Здоров будь, десятский, с чем пришёл ко мне да никак привёл ты кого с собой, такого малого?»

Ну а батя голову склонил, поприветствовал, как полагается, князя и отвечает: «То мой малец, княже, третьяк, – нас трое братьев было, – Андрейка, хочет он сам, и я его в том добром намерении поддерживаю, у тебя службу ратную служить. А перед тем просит у тебя пройти обучение воинскому делу при дружине в детских отроках. А то, что мал он пока, так характер у него есть, кость на месте, ну а мясо, глядишь, и нарастёт с годами».

Взглянул на меня Мстислав, усмехнулся, да и говорит: «А давай-ка испытаем мы младшего твоего? Пусть простоят против детского отрока из моих. Из тех, кто готовится уже в дружину переходить, да полных сто ударов сердца пусть выдюжит в поединке. Есть характер, как ты говоришь, так не сплоскает, поди, ну а коли худо себя покажет, уж не взыщи, десятник, придётся ему другого князя себе искать! – и засмеялся на весь двор.

Ну, тут все, кто был в окружении да кто подошёл поглядеть на представление, тоже засмеялись в голос с ним, значит. Как же, мальчонка двенадцати лет, вот такой же точно, что и ты сейчас, да с почти что готовым воином схватится. Видано ли такое где?

Делать нечего, встал я в круг, что образовали все присутствующие, и выходит против меня детина, сам на полторы головы выше. Руки в боки, и усмехается такой в прищуре. Ну а как же, ему-то уже почти шестнадцать лет стукнуло. Он-то уже всё обучение воинское прошёл. В походах пару раз был да кровь в бою, небось, не раз уже пролил, а тут какой-то сопливый мальчишка против него в круг вышел. И надо ему того нахала перед князем своим отменно так проучить.

Нам правила боя княжий воевода Ярило высказывает: куда можно, а куда нельзя нам бить, какие, значит, болевые приёмы разрешаются, а какие нет. А я стою ни жив ни мёртв и все-то те слова мимо моих ушей пролетают. Что и говорить, испугался я шибко, но виду всё равно, как батя потом сказал, не подал. Так просто, лицо чуть бледнее стало и злое такое, говорят, как у волчка прям. От того, значит, у меня и кличка стала в детских как у собачки нашей – Волчок.

Ну вот, значит, стою я в круге, а батя мне так говорит спокойно: «Сынок, страха нет... боль, кровь – всё пустое, пройдёт и забудется, а вот как ты в жизнь воинскую вступишь изначально, так к тебе и будут всегда и все относиться после. Вспомни всё, чему я тебя все эти годы учил, и не опозорь же род воинский свой». Вот после этих самых слов и отпустило меня.

Бились мы с тем парнем не сто ударов сердца, а пять раз по сто. Он, конечно, и более сильный был да и более умелый, чем я. Один только удар его словно кувалда пудовая. Но и я же вёрткий и жилистый был, словно свирепая ласка такая. Всё лицо в крови, грудь и спина отбиты при падениях, а зажать он меня всё не может никак. Уже в самом конце подмял всё-таки под себя, как медведь, да давай потом душить. Забылся, похоже, что по правилам поединков вести надо, и обозлился очень. Ломает да душит сам, а я всё молчу. Уже и в глазах потемнело, а нет, всё ему сдачи. Вот тут-то князь и закричал: «Стоять! Конец схватки! – И подошёл к отцу: – Прости, – говорит, – Хват Иванович, что дольше испытывал твоего сына, чем мы уговаривались. Но уж больно узнать хотелось, насколько малец твой удачный. Такой-то он мне в детских за радость будет!»

Батя же, поддерживая еле стоящего на ногах меня, сказал так весомо: «Тому я, княже, и сам рад, зато уверен, что сын мой в воинское сословие с честью к тебе теперь входит!»

Вот такое было моё вхождение в мир воинский, сынок. Потом было долгое и изнурительное обучение. Битвы, слава и кровь. Бывали и поражения, не без того. Но вот видишь, до сих пор я жив и не покалечен даже. И всё это во многом благодаря тому, что гоняли меня в обу-

чении до седьмого пота. Гоняли все, начиная с бати, Хвата, раба Божьего Ивана Ивановича, Царствие ему Небесное, и заканчивая всеми моими наставниками, командирами да дружинными старшинами.

Поэтому и тебе предстоит пройти такое же обучение, как и мне, а и не ничуть даже не хуже того. И сделать ты должен всё, чтобы не посрамить по жизни честь свою и честь нашего рода воинского!

А пока давай набирайся сил да поспи от души, ибо утро вечера мудренее. После того даю я тебе день на отдых, а вот уже следующее утро мы с тобой начнём с зарядки и с бега долгого, да ещё с упражнениями и с премудростями разными.

На том они и уснули вместе.

Глава 4. Инвентаризация

Утро встретило хмурым небом с мелким дождём.

– Повезло, однако, что до непогоды возвратиться успел, не то вымок бы до нитки да озяб!

Андрей с Митяем прибрались по дому, умылись и обтёрлись холодной водой по пояс. Затем был лёгкий завтрак и хлопоты по хозяйству. Нужно и скотине корма задать да и того же жеребца Орлика обиходить, выгулять и почистить. Кое-где требовалось что-нибудь починить и поправить, ведь в своём хозяйстве за всем уход да пригляд нужен. Благо во всём этом ему хорошим помощником был Митя. Детишки в этом времени ими становятся рано, тому их сама жизнь здесь заставляет. Поэтому-то и справились они со всеми своими срочными делами очень даже быстро.

– Тять, а тять, а когда покажешь, что ты чудного из-за Игнач Креста принёс? Сам же ещё вчера обещал.

– Притомился я, Митяй, с дороги. Да после баньки-то и уснул рано. Ну что же, коли тебе обещал, так пошли в избу, оприходуем всё да составим опись имущества. – И, подмигнув на недоумённый взгляд мальчика, поправился: – Всё поглядим, посчитаем да на бумаге о том весь наш отчёт дадим.

В избе, не скупясь, были расставлены и зажжены все имеющиеся в наличии светильники. Плюс к ним ещё и несколько восковых свечей добавили. Оттого стало в ней необычно светло. Но оно того стоило, просмотреть нужно было всё очень тщательно и до самой малой мелочи. Ведь в этом мире всё может пригодиться и стать важным да незаменимым. Поэтому крепкий стол с лавками на середину – и поехали!..

...Рюкзак трекинговый, спальник и небольшая палатка. Была у Андрея из XXI века такая «фишка» – путешествовать с комфортом, поэтому не скупился он на хорошее и, самое главное, лёгкое походное снаряжение. Ну а военная пенсия да нынешняя работа ему это позволяли...

...МСЛ – малая сапёрная лопата армейского образца в походном её исполнении и в брезентовом чехле...

...Нож охотничий, кизлярский «Скорпион», прекрасной стали клинок, лезвие широкое и длинное, на кожаном ремне и в чехле...

...Фляжка армейская, стандартная, в чехле защитного цвета...

...Котелок походный, плоский, с крышкой под чашку – сам объёмом 1,5 литра...

...Большая кружка из нержавеющей стали, объёмом что-то около 0,5 литра...

...Чайник походный, металлический трёхлитровый, кое-где местами побитый и погнутый...

...Коврик походный, пенка 1,8х0,6 метра...

...Топор походный...

А вот с ним что-то было совсем непонятное. При «слиянии» на плите Игнач Креста осталась от него одна углепластиковая ручка, да и то была она так ровно срезана у самого своего навершия, как будто бы скальпелем её отсекли. А вот само железное топорное на своём месте отсутствовало.

Как-то непонятно это всё.

Ну да продолжим с тем, что лежало внутри самого рюкзака...

...Прозрачный полиэтиленовый пакет, а в нём около половины ведра картофеля и даже чуть больше. Сам, будучи садоводом-любителем, причём и выращивающим всё на своём огороде, Андрей внимательно перебрал и рассмотрел каждый клубень.

Прекрасно! Мы имеем картофель шести сортов: «розару», «снегирь», «удачу», «Вятку», «Жуковский» и «импалу». На любой вкус, от белых – «удача», «Вятка» – и розовых – «Жуков-

ский» – по цвету кожуры до красного, что у сортов «розары» и «снегиря». С мякотью всё то же: от белого, жёлтого и даже до практически кремового цветов.

Все эти сорта были районированные, а значит, будут они при правильной технологии произрастать и тут в нынешних условиях. Главное же сейчас – это сохранить их до весны.

Митя внимательно и молча, один только его сап раздавался, да с заметным удивлением гладил один из клубеньков.

– Тя-а-ать! Что это?! Вроде же как и редька с репой, а что-то и не похоже на неё немного.

Нужно что-то с этим делать. Была необходима понятная и правдоподобная для всех легенда появления здесь необычных вещей.

– Митяй, у Игнач Креста я купцов из-за моря Хвалынского встретил, что, проходя, сбились с волоков, с большого торгового пути, да по Полотеми-то по незнанию своему и попробовали было пройти дальше. Ну, так я их и вразумил, что вода нынче низкая, и ещё с месяц она будет такая, до дождей. И лучше бы идти им верхним волоком, это через озеро Ямное, старым Селигеровым путём тянется. Вот они-то и отдарились мне плодом земляным заморским, что картофелем называется. Это вот его семена. Весной мы их и посадим в грядку с тобой вместе, и будет оно у нас расти и радовать!

– Ого! Семена-то у него, у картофеля этой, какие огромные! А на вкус-то оно как, тять?

– Да как репка, только та чуть слаще будет, – усмехнулся Андрей. – Подожди, побольше её разведём, и отведаешь сполна, а пока – хранить всё как зеницу ока! Дорогие они очень, сын! А теперь посиди да помолчи, Митяй. Дело важное, всё нужно учесть да не забыть при этом. Потом же, попозже, и поспрашаешь меня.

И Митя, согласно кивнув, засопел.

Отдельными кучками на столе лежали лук с чесноком, овощ тут довольно известный и вопросов у Митя не вызывавший. Единственно, что-то уж больно он крупный был по нынешним-то меркам! Ну да всякое ж на свете бывает, особенно после этих гигантских семян картофеля.

...Большая походная аптечка со всеми необходимыми в экстренных случаях лекарствами и даже кое-каким медицинским инструментом типа скальпеля, длинногубых щипчиков и зажимов да ещё пинцета и прочих хитрых приспособ. Этому богатству мы составляем отдельную опись.

Толк в этом Андрей знал, в МЧС, где он служил более четверти века, значению, как спасти и сохранить жизнь, придавали огромное, так что уровню медбрата, а то и целого фельдшера средней руки он соответствовал однозначно...

Дальше.

...Полиэтиленовый герметичный короб с приманкой для рыбы размером 30х20х20 сантиметров. В нём находилась россыпь ржи, пшеницы, кукурузы, гороха и семян подсолнечника. Всё местное, сам собственной персоной брал недавно на городском рынке у птичьих рядов. Поэтому можно было не сомневаться, что здесь всё районированное и, как все северные сорта, будет оно произрастать и в этом времени. Семечки подсолнечника-то, конечно, в основном уже были без кожуры. Но если всё перебрать, а перебрать до зёрнышка нужно будет обязательно, то всё же пара-другая хороших таких десятков семян в кожуре здесь найдётся обязательно. Да вон и так видно, что они там имеются в этой общей кучке.

...Туго сложенный, плотный кусок полиэтилена для укрытия от дождя, 2х2 метра. Опять же наше бесценное сокровище. Хоть окна из него делай, а это всё лучше, чем мутный бычий пузырь. Хоть небольшую тепличку для будущей рассады овощей из него ладь.

Для этих же целей подойдёт несколько полиэтиленовых пакетов и мешков, что лежали внизу рюкзака про запас, и эти грязные, что он в своё время не отмыл и сунул в карман, на потом.

Рука, убирающая их в сторону на помывку, замерла, среагировав на сигнал глаз. В одном из пакетов из-под закончившихся уже овощей что-то такое было, что привлекло подсознательно внимание Андрея. Вывернув его наизнанку, глазам открылось, что на стенках пакета, скорее всего, от сдавливания, остались подтеки сока от томатов с желтыми вкраплениями семян и белыми же семечками от огурцов! Да это просто подарок какой-то! Если всё правильно и разумно сделать, то можно будет разнообразить свой будущий стол этими овощами, пока что совершенно неведомыми в это время! И семена, что остались на стенках, как раз будут в тему будущего огорода. Так что нужно быть и далее внимательным при нашем осмотре...

...Пакет со снаряжением для еды: две металлические чашки и кружка, ложка, вилка и перочинный нож. Тут же был рулончик из плотных мусорных мешков...

...Две шпульки с нитками. Одна с обычными чёрными, другая с плотной капроновой хомутной нитью. На каждой из них было по две иглы соответствующих размеров. Пятидесятиметровая в скатке бельевая верёвка. Пара булавок и широкий да узкий скотч...

...Пакет со сменной одеждой, от носков и трусов с футболками до спортивного костюма и кроссовок. Термобельё, свитер плотной вязки, х/б брюки и флисовая плотная кофта со штанами...

...Пакет со средствами гигиены: зубная паста и щётка, пузырёк одеколона «Тройной», бритва со сменными лезвиями, пена, туалетная бумага, мыло, шампунь и джутовая мочалка...

...Пластиковый чемоданчик с рыболовными приспособлениями, в котором чего только не лежало. Бывалые же рыбаки поймут и подтвердят, что на выходе пригодиться может всё. От клея «Момент», пилочки для заточки крючков и ножниц до всевозможных блёсен-колебалок и воблеров, лески, шнурка, катушек, грузиков, крючков ну и десятков всевозможных штук и приспособлений для рыбной ловли...

...Продуктовый пакет с мешочками: сахара песком, соли, баночки с чаем и специями, ручная мельница с кайенским перцем для остроты (в стекляшке видны семена, и это берём на заметку), парочка разных рыбных консервов и тушёнки, кирпичик хлеба, две банки сгущённого молока, два брикета с кашей пшеничной и мешочек с карамельками, шоколадными конфетами и парой батончиков «Марс» да плиткой шоколада «Бабаевский». Тут же в пакете оставалась пара горстей «своего» изюма с косточками. Чёрный виноград рос у Андрея на даче, и был он амурским сортом «таёжный», практически неубиваемый в наших климатических условиях. Так что эту полезную и неприхотливую культуру следовало, конечно же, взять себе на заметку на будущее!..

...Металлическая фляжка из нержавеющей стали 0,33 л с коньяком...

...Две двухлитровые сдутые полиэтиленовые бутылки под воду...

В наружных же карманах рюкзака обнаружили:

– сотовый телефон, аккумулятор-powerbank и зарядник на солнечной батарее – всё это как раз для зарядки в походных условиях того самого «сотика» и диодного фонаря-лампы, ну и плюс сам светодиодный фонарь, так же со встроенной солнечной батареей для своей подзарядки;

– солнцезащитные очки-хамелеон;

– бюджетный двадцатикратный бинокль 20×50, в первую очередь устраивающий его в походах сочетанием чёткости изображения и компактности, да к тому же выполненный во влаго- и ударозащитном корпусе;

– походный компас;

– наборный инструментальный нож с небольшими плоскогубцами, отвёртками, пилочками, шильцами и всякими там лезвиями, входящими в комплект;

– пара коробок со спичками и бензиновая зажигалка;

– пачка гигиенических влажных салфеток;

– мешочек с яблоками местных сортов (опять же к вопросу о выполнении продовольственной программы – из семечек хоть и гораздо дольше по времени, но вырастают-таки прекрасные яблони. Так что эти семечки мы так же берём себе на учёт!);

– два клапанных, твёрдых, из пластика файла – для хранения документов. И, собственно, сами документы: паспорт, водительское удостоверение, подробная крупномасштабная топографическая карта Новгородчины, блокнот, карандаш и авторучка;

– кожаный портмоне с набором всевозможных и ненужных сейчас пластиковых карт. Бумажные и опять же малопригодные в это время купюры и мелочь, которую так-то можно бы и повнимательнее рассмотреть: две монеты по 10 копеек, три по 50, три рублёвые, двух, пяти и аж десять монет десятирублёвых жёлтых червонцев.

Понятно, что в это время денежная система Руси находилась в совершенно зачаточном состоянии. Ведь как таковые свои деньги-монеты в современном представлении на Новгородчине пока не чеканились. Арабский дирхем уже отходил, западноевропейских денариев в обращении пока что было мало. И в ход мена населением шли на связках ракушки каури да шкурки пушных зверей. Вот отсюда и взялись названия: куна, то есть шкурка куницы, резана – отрез от шкуры, ногата – её лапка. Всё здесь было на меховом сравнении.

Гривна кун заключала в себе 20 ногат, 25 кун или 50 резаний. Параллельно имела хождение и серебряная денежная мера: гривна серебра, весившая 200 грамм и, соответственно, делившаяся по нисходящей как рубль, полтина, ногата, куна, резан, ну, и векша – это уже была самая маленькая серебряная монетка, которая равнялась, соответственно, самому дешёвому меховому аналогу мена, а именно беличьей шкурке. А белок, как мы знаем, на Руси было всегда достаточно.

И вот как вот эти свои имеющиеся монеты пристроить в тот старинный «меховой ряд», было пока что совсем непонятно.

Ну и под конец всей этой инвентаризации...

Те вещи, что были на теле Сотникова «в момент слияния», и были отдельно сложены в гермомешок из-под спальника: суперпрочная скандинавская куртка спасателей с брюками, трекинговые ботинки, комплект тонкого влагоотводящего термобелья, нижнее бельё и шляпа-панамы с низкими полями. В кармане куртки был компактный водонепроницаемый монокуляр 10×25, прекрасно уже зарекомендовавший себя во многих походах.

Командирские же часы с прочным металлическим браслетом давно уже, ещё там, у Креста, перекочевали ему на своё привычное место, левую руку...

Ну вот, пожалуй, и всё. Теперь можно выдохнуть и переписать аккуратно всё это вот бесценное богатство в блокнот.

Митя, всё это время сидящий с краю с горящими глазами, тоже выдохнул и промолвил:

– Тятя, это всё тоже тебе купцы подарили?! Чудо чудесное ведь! И стоит-то гривен несчитано, небось! – И отвёл глаза от прямого, пристального взгляда отца.

– Крови невинной, злобы и навета через вещи эти нет на мне, сын! В том ложу я крест честной! – И он перекрестился на образа в чистом углу. – Веришь мне?

Митя вздохнул, улыбнулся и прижался к Андрею, засопев на груди:

– Верю, тятенька, как не верить, ты же у меня самый хороший... и добрый. Никогда бы ничего худого никому не сделал.

Как мало ребёнку нужно, главное, чтобы родители были всегда рядом, а уж они уже для него всегда самые хорошие, правильные и наделённые наивысшим детским доверием.

– Ну, вот и ладно, сынок. О вещах этих чудных говорить всё же никому не нужно. Ценности они и правда великой, да и нам послужить ещё могут премного. А вот завистники и лихоимцы нам с тобой не нужны. – И усмехнулся: – Обрубай им потом языки да руки! На вот тебе гостинец пока, – и протянул, разворачивая, батончик «Марс». – Покушай. В нём и мёд на

густом молоке, и орешки есть. Не спеши только, спокойно кушай. А потом я тебе и яблочек дам, только вот семечки с них всех уберу. Ты ведь, Митя, ни разу не кушал такого!

И он с удовольствием стал наблюдать, с каким искренним наслаждением да по крупице малой откусывает сие невиданное кондитерское чудо его сынок. Эх, и не избалованная ещё ребятня в этом веке!

Глава 5. Волчок

Волчок был самой счастливой собакой на свете. У него были прекрасные хозяева, которые его искренне любили. Старший хозяин, конечно, был порою строг и мог его поругать, если он слишком сильно резвился или плохо выполнял его команды. А их они почти что каждый день с ним отрабатывали. Все эти: «Лёг! Встал! Голос! Искать! Фас! Паси скотину!» Да мало ли какие ещё были! Но это был Хозяин! И только за одно это ему следовало быть беззаветно преданным. А в его роду только такие псы всегда и были.

А ещё у него был младший хозяин. Товарищ по всем его весёлым играм и шалостям – Митяй.

Был у него свой большой дом – сарайка. Где под его охраной и постоянной опекой жила хозяйская скотина – козы, овцы, жеребец Орлик и куры-хохлатки.

Ещё будучи маленьким щенком, как он себя помнил, всегда вокруг было вот так же.

В Лычково, где Сотник по случаю его и приобрёл, испокон веков такие вот собаки охраняли и пасли скотину. Готовы они были и жизнь свою отдать за хозяйское добро, но не уступить волчьему клыку или рысёй когтистой лапе. И порой отдавали, как его отец, когда сдерживал, сколько мог, он волчью стаю у хозяйского овина и там же был разодран в клочья, но не струсил и не сбежал, позорно бросив доверенное.

Вот и Волчку пришлось вступить в свою первую схватку ещё молодым псом-подростком с взрослым и матёрым лисом из ближайшего к усадьбе соснового бора. Ветреной сентябрьской ночью, когда вокруг скрипели и шумели, пригибаясь, сосны, услышал он, как в углу, у начального венца сарая, кто-то настырно скребётся снаружи. Как ни лаял и ни подавал он тревогу, видно, совсем не слышали его хозяева из избы, и, когда в подкопанную щель между венцами пролез с улицы лесной рыжий разбойник, он смело вступил с ним в бой, даже не задумываясь.

Вора погубила его наглость и самонадеянность. Он был уверен, что сможет легко одолеть это глупое длиннопалое недоразумение, которое тут порою носилось по всему двору, но ничего не стоило без своих опасных хозяев. Особенно того старшего, что уже чуть было один раз не подстрелил его совсем недавно из своего лука. Спасла тогда лиса только его великолепная чуйка и хорошая реакция, что и смогла увести вовремя от стрелы. И вот сейчас он думал побыстрому разделаться с этим глупым щенком и уже затем заняться самими курами.

Просчитался лис!

Молодой пёс принял бой на своей территории. И когда в гаснущем сознании рыжего промелькнуло понимание злой ошибки, было уже поздно. После яростного поединка мощные челюсти молодого пса сомкнулись на горле лесного разбойника, свет померк, и вскоре всё было кончено.

...Когда утром Митяй открыл сарай, удивляясь, почему друг не встречает его весёлым лаем, как это обычно у них и бывало, его взору предстала страшная картина. Два зверя, один чёрно-белый, а другой огненно-рыжий, лежали, сцепившись, рядом, разодранные и все в крови. А лис уже был холодный.

– Тятя, тятя! Наш Волчок лиса загрыз и сам в сарае еле живой лежит! – закричал Митяй и припустился обратно вместе с отцом в сарай.

Раны пса обрабатывали и зашили вместе. Митяй сам их промыл, выстриг вокруг шерсть и зашил той иглой, что дал ему тятя.

– Друга нужно уметь лечить, любого, пусть даже и четырёхлапного. То умение всегда может в жизни пригодиться! – наставлял отец.

Несколько дней ничего не ел Волчок и только изредка лакал воду из глиняной миски.

– Тятя, он совсем уже исхудал, никаких сил нет уже у него, издохнет ведь, – тужил Митяй.

– Выживет, сынок, ты не переживай. Он же боец у нас, как воин дружинный после битвы. Нужно ему сейчас только время и покой, ну и, конечно, твоё внимание да участие.

И правда. Прошла буквально седмица, и сначала съел пёс немного утиных потрошков. Потом заячью лапку немного в пасти помусолил. Вот так к нему и вернулся аппетит. А уже через какое-то время всё стало у них по-старому. Игры, весёлая беготня и долгие тренировки. Только во взгляде у Волчка, когда он не играл и не носился с лаем за Митяем, всё больше проступал собачий ум, хватка и пёсья серьёзность. За скотину и птицу Сотнику можно было однозначно не волноваться. Не раз уже свирепо гнал он с хозяйского подворья любопытных куниц да горностаев, что с большим интересом и пристальным своим вниманием относились к хохлаткам и к их цыплятам. А через три седмицы так и вообще притащил он из ближайшего леса задущенную лису.

– Мстит теперь пёс всему окрестному лисьему поголовью, – смеялся Сотник. – Не поза-видуешь Патрикеевнам теперь, скоро он вообще их тут всех повыведет.

Но и самому этот случай уроком будет. Нужно как можно серьёзнее укрепить все сараи да и сам наш дом. Чтобы ни один зверь, каким бы сильным он ни был, не смог пробраться ни к скотине, ни к нам. Ведь зимы тут долгие и суровые, а волков, рысей, росомых и медведей в окрестных лесах хватает с избытком. Попробуй только зевни!

Глава 6. Лесная борть

Побежали дни ранней осени. Днём грело солнышко, и порой было даже жарко, а вот ночи уже стали прохладными. На двор без зипуна и куртки выходить-то даже зябко.

Повседневной работы было много. Нужно было как следует подготовиться к долгой и суровой в этих краях зиме. Поэтому и трудились вдвоём, отец с сыном, на славу.

Ухаживали за бортями. Как дикими, разбросанными по всему поместью, так и приручёнными у самого своего жилья. Мёд да воск из них уже не брали, так как пчёлам он и самим был нужен для нормальной и долгой зимовки. Для себя-то они всё забирали ранее, ещё до той самой отлучки Андрея к Игнач Кресту. Сейчас же шла работа по перегонке мёда в липовые бочки да плавке в огромные, пудовые круги воска.

Оставался ещё, правда, недоработанным один небольшой дальний участок к северо-востоку от усадьбы. Было там всего три дерева борти, но зато одно из них там маточное, то есть на нём жило сразу три пчелосемьи. И, не откладывая дело в долгий ящик, Андрей решил спозаранку следующего дня отправиться туда вместе с Митей.

На усадьбе за хозяина, к его великому неудовольствию, оставался Волчок, бортники же, нагруженные всеми необходимыми «приспособами», выступили навстречу встающему из-за дальней кромки леса солнцу.

Работа бортника не была простой и требовала много знаний, сил и навыков. Матушка Андрея, Феврония, была из семьи потомственных пчельников, и многое из нужного в этом деле Сотник почерпнул, живя на пасеке деда Кузьмы под Торопцом.

В качестве бортного дерева чаще всего использовалась сосна. И обязательно, чтобы с жёлтой сердцевинкой. Считалось, что если сердцевина у неё была красная или чёрная, то пчёлы в борти не поселятся или и того хуже – погибнут.

Сама борть устраивалась высоко над землёй с южной стороны дерева. Неподальёку непременно должен был быть источник воды, например тот же лесной ручей. С помощью веревок и ремней человек поднимался наверх и специальным бортничьим топориком выдалбливал дупло. Через узкую выемку (около семидесяти сантиметров в длину, пятнадцати – двадцати в ширину) изнутри дерева долотом и скобелем выбиралась древесина. Бортник следил, чтобы стенки борти оставались толстыми (не меньше десяти – пятнадцати сантиметров), это позволяло дереву и дальше жить и расти, а пчёлы не замерзали в самые холодные зимы. Низ сосны до пяти метров вверх начистую обрубался от веток для затруднения влезания медведей. Сами бортники наверх забирались с помощью длинных верёвок и специальных лап с металлическими вставками на ноги.

Верхушка сосны также обрубалась, что заставляло дерево затем расти только вширь. Иногда они достигали трёх, а порою даже пяти метров, и жили по стоя пятьдесят двести лет, переходя в семье бортника от отца к сыну по наследству.

Борть изнутри натирали душистыми травами или их отваром. Затем отверстие закрывалось плашкой, а для выхода пчёл делалось другое, более мелкое. Особая хитрость состояла в том, чтобы приманить по весне, во время роения, пчелиную семью. Дед Кузьма тщательно натирал борть отваром из мелиссы и иван-чая, а затем обильно смачивал всё сиропом один к пяти мёда и цветочной воды. В самой борте крепилась сушь⁵ и две-три узких полоски вошины. Всё это и было приманкой для пчёл-разведчиц, которые активно облетали окрестности и приводили в облюбованную борть молодую пчелосемью.

Много было всяких секретов этого древнего промысла, но Андрею это было по душе, и занимался он им с удовольствием.

⁵ Пустая сотовая рамка без мёда.

Люди борти не разоряли. За это издревле полагались строжайшие наказания, от смертной казни до разорительнейшего штрафа в десяток гривен. А чаще всего вдали от правосудия уличённому в разорении бортей просто «вежливо» предлагалось прыгнуть вниз. Десять – двадцать метров полёта служили хорошей профилактикой для любого лихоимца.

У каждой борти ставился личный знак владельца, называемые знамёна или тамга, которые передавались из поколения в поколение и практически не менялись столетиями. Знамя обычно вырубали или вырезали на высоте роста человека, и оно сразу давало всем понять: эта борть чья-то собственность, не трогай её!

Дорога проходила по девственному лесу. Часто приходилось переходить через маленькие ручьи и речушки. Зверья было много, но он в основном сам скрывался из вида, слышав людей издали. Скрываться смысла не было, чай, не на охоте ведь, главным было быстрее дойти до нужного им места.

И всё же поволноваться пришлось, когда они нос к носу столкнулись с кабаньим семейством.

Набитая звериная тропа, по которой и передвигались путники, делала резкий поворот у овражка, и Андрей вдруг резко остановился, подняв правую руку со сжатым кулаком. Перед ним из-за поворота выходил здоровенный секач, а за ним выступали самки с поросятами. Из пасти кабана торчали огромные, похожие на изогнутые кинжалы клыки. Маленькие глазки злобно смотрели прямо на Сотника.

Такая встреча не сулила ничего хорошего! Кабан мгновенно разогнался с места до огромной скорости и пёр вперёд, как танк. Остановить его можно было только хорошим копьём, уперев в землю, ну или пулей из двенадцатого калибра.

Всего этого у бортников не было, поэтому тихонько, буквально по сантиметру, Андрей начал смещаться с тропы влево. За его спиной тоже, шаг в шаг, еле дыша, повторял это же и Митя.

Секач был уверен в себе, за его спиной замерли самки с детёнышами, за которых он не задумываясь был готов отдать свою жизнь. Но если можно было избежать боя со столь опасным врагом, как человек, он был не против. И, подождав, когда эти люди скрылись в подлеске, стадо проследовало по тропе дальше.

Сотник с Митяем, переведя дух, тоже направились к своей цели.

– Повезло, сын, кабан – страшный зверь, сколько охотников клыками своими рассёк! Навидался я на княжьих охотах! Щетина у него как броня, не всегда и сулицей или стрелой-то возмёшь враз! Бывало, всего утыкаешь его, а он ревёт только да прёт, как оглашенный, и рогатину-то иной раз ломал на охоте. Ну да и мясо у него жёсткое да вонючее, особенно если ближе к гону. Лучше уж если на мясо-то подсвинка брать.

С первой бортью сработали быстро. На сосну были закинута верёвки. Вытащен вкладыш-должея, закрывающий вход в борть, а дымарём с гнилушками укрошены насекомые. И вот уже человек в волосяной защитной маске длинным бортевым ножом начал вырезать изнутри дерева янтарные да ароматные, так и сочащиеся вкуснейшим мёдом соты. Все они были на высоте аккуратно перегружены в кожаные мешки и отправлены Митяю вниз.

Взяли немного, менее пуда. Борть была молодой, и следовало оставить пчелиной семье побольше, для её роста.

И вот, управившись, они взяли направление на маточную сосну.

– Тять, а что это за колода сверху висела, как раз над входом в борть?

– Да это мишек отпугивать, сынок, – ответил Андрей, поправляя ремни своего рюкзака. – Пошли быстрее, похоже, что заночевать нам там придётся.

И они ускорили шаг.

До маточной сосны оставалось уже совсем ничего, когда Андрей вдруг резко остановился и присел, оглядываясь, а в руке у него вдруг оказался меч.

– Что такое, тять? – тихо спросил Митяй, приседая рядом и накладывая стрелу на свой небольшой охотничий лук.

– Посмотри сам! – и Сотник отклонился чуть в сторону. На земле виднелся чёткий и совсем свежий след крупного медведя. – Только что он тут прошёл, и идёт мишка туда же, куда и нам надо, так что, сынок, идём вперёд мы со всей осторожностью!

И вот они уже увидели свою сосну, огромное, в два-три обхвата дерево, а под ним стоял, видать, тот самый огромный Потапыч, по следам которого они только что шли.

Митяй натянул лук и посмотрел на отца, но тот усмехнулся, покачал головой и вымолвил шёпотом:

– погоди, сейчас представление тут увидишь.

Медведь у сосны словно замер и, прямо как человек, приложился своим мохнатым ухом к стволу, что-то там выслушивая. Затем довольно заворчал и начал кругами ходить вокруг дерева, присматриваясь, где бы ему было удобнее залезть.

– Тятя, стреляй! Он же весь наш мёд сожрёт, – азартно зашептал мальчишка.

Сотник опять приложил палец к губам: «Тихо!»

Мишка, видно, определив оптимальный путь и тяжело вздохнув (а как же, метров десять сосны были специально гладко обтёсаны от веток), начал с усилием и стонами карабкаться вверх. С огромным трудом он преодолел сложный участок и уже дальше забирался гораздо увереннее, опираясь на растущие ветки. И вот он уже у первой борти, на десяти метрах высоты, осталось только вскрыть дупло да откинуть зачем-то свисающую тут на верёвке тяжёлую колоду.

Лапой отодвигаем её в сторону, и вот можно уже лакомиться мёдом. Но странная колода, качнувшись, снова оказалась у борти. Опять отодвигаем её в сторону. И вновь она возвращается на своё место. Те же манипуляции в третий и четвёртый раз. Мишка уже начал терять терпение. Да чтоб тебя! И он дал от души по этой колоде лапой. Та резко отлетела, и всё по тому же закону маятника врезала на возврате Потапычу в ухо. Мишка бешено взревел и со всей своей дури вlepил с размаху по дурацкой деревяшке. Колода унеслась к зениту! А её возвратный удар был такой, что ошалевший медведь бурой громадой рухнул на землю.

Уже через минуту, ещё даже не до конца придя в себя, он улепётывал со всех ног прочь, а вслед ему нёсся громкий хохот и улюлюканье восторженных зрителей.

– Теперь-то понятно, для чего там колода привязана?

– Теперь понятно, тять! – ответил Митяй, вытирая слёзы со светившегося смехом лица.

– Ну, спасибо Топтыгину за представление. А нам с тобой ещё тяжёлый труд предстоит, сынок. Борти тут зрелые, не враз и управимся с ними, так что и заночуем тут рядом на полянке.

Глава 7. Половецкий поход

На лесной полянке весело потрескивал костёр. Рядом в углях запекалась утка, подстреленная на недалёкой бобровой запруде, да закипал уже в походном чайнике душистый кипрейский чай.

Можно было вытянуть усталое тело и просто о чём-нибудь поговорить.

– Тятя, а расскажи что-нибудь из своей воинской службы? Ты помнишь свой первый поход?

Андрей снял закипающий чайник с огня. Разлил тёмно-бурый напиток по кружкам и добавил в него мёду.

– Пей, Митяй, расскажу я тебе про свой детский поход и как я в нём наш медный котёл боевою добычей получил, – и усмехнулся, задумавшись. – Было это в декабре 1193 года. Я к тому времени состоял в детских дружины князя Мстислава Мстиславича Удатного, что княжил тогда в Триполье. Полтора года прошло, как определил меня в дружину батюшка Хват Иванович, Царствие ему Небесное. Я уже пообтёрся понемногу да привык к службе воинской. Поначалу же, конечно, было мне очень трудно, ну да не зря же тогда прозвище Волчок заработал, продержался уж как-то, – и снова усмехнулся, вспоминая былое. – Так вот, как только замёрзли все реки, то к своему любимцу, князю Ростиславу Рюриковичу, в Чернобыль прибыли послы от чёрных клобуков, наших верных союзников, чтобы звать его в поход на половецкие вежи. Был наш князь лёгок на подъём, и это предложение пришлось ему сильно по душе.

Забросив зимнюю охоту в устье Припяти, он со своей дружиной поспешил в Торческ, на реку Рось. Отослал он так же гонцов в Триполье к своему брату, князю моему Мстиславу Мстиславовичу, с кем в то время был он очень дружен. Оба-то они были схожи характером, лёгкие на подъём, храбрые да боевитые. И дружины их были самым своим князьям под стать. Отменно выученные, вооружённые да закалённые в многочисленных сшибках и сражениях как с лёгкими степняками, так и с тяжёлой конницей князей соперников.

Не теряя времени даром, как только собрались мы все вместе в кулак, двинулись наши рати намётом на юго-восток. Меня, как самого молодого и лёгкого, определили вестовым в дозорную сотню.

Сотня шла в отрыве от главных сил совместно с дозорными от союзных чёрных клобуков. Те же были в родной степи как у себя дома, да и погода нам тогда явно способствовала.

В общем, на реке Ивле выследили мы по следам перехода малый половецкий заслон. Половецкая полусотня дозором прошлась по высокому берегу и расположилась затем на ночёвку в одном из многочисленных степных оврагов. Как раз уже к тому времени начинало хорошо пуржить, и, видно, копчёные захотели укрыться в нём от непогоды.

Плохими воинами они, конечно, не были, и дозорных своих выставили, всё как полагается. Да только и наши дружины были волками битыми, и уже к ночи весь тот дозор был вчистую вырезан.

Ну а потом, по команде сотника Добрыни, с двух сторон оврага ударили мы стрелами по половецкому стану, да в мечи, и давай рубить оставшихся.

Я сам стрел пять или шесть успел выпустить, может, и нашли они кого-нибудь среди степных.

Но самое главное, смогли мы тогда взять в живых трёх половцев, и уже через полчаса жёсткого дознания у костра один, чтобы вымолить себе лёгкую смерть, выдал, что половецкие вежи со стадами лежат в одном переходе на правом берегу Днепра, а основное их войско ушло ниже, за речку Ингул. Грех было не воспользоваться таким подарком, и уже через десять минут неслись мы вместе со своими союзниками в указанное половчанином место.

Шли ходко, у каждого было по три запасных коня, и мы только и успевали чуть снизить ход, чтобы перепрыгнуть с одного на другого.

Я шёл в головном десятке дозора.

Когда к рассвету мы вышли на вежи, уже прилично пуржило, и мы с трудом смогли рассмотреть пред собой огромный табор из повозок, юрт да ивовых плетёнок. Рядом с вежами паслись огромные табуны лошадей.

Сотник Добрыня всё оглядел и говорит мне: «Ну, Волчок, скажи, что было мочи, и передай всё, что здесь видел сам, и что я тебе скажу, тоже передай для князей. Мы с дозорными союзниками зайдём с противоположной стороны стана и ударим, как только все наши основные силы двинут на вежи. Нам главное – это не дать табун увести, да вестников от этих вон перехватить, всех, сколько сможем! Ну, давай двигай, а то вон берендеич уже как ястреб вылетел к своим с вестью, не отставай!»

И правда, в снежную даль уходил вестовой от чёрных клобуков.

Ну как мне можно было ему уступить, вот я и рванул вдогонку.

Кони у нас были по силе и мере усталости, видать, равные. Ну да я был помоложе чуток да и, небось, полегче немного. Так что догнать его сумел, и мы влетели к своим ратям уже одновременно. Я к своему князю, а тот к хану берендеевскому бегом, ну тут и мы давай вместе с ним хором докладывать. А князья смотрят на нас да ухмыляются: «Не уступил, Волчок?!»

Ладно, план нападения всё начальство быстро наметило, разрисовали что-то там сулицами на снегу. Мы с берендеичем им показали, где что было и как кто там стоял у копчёных.

И вот пошла команда: «Всем воинам выстроится большим полукругом!»

Не знаю уж как, а мы опять с тем молодым берендеичем рядом оказались. Он на меня косит так зло. И я на него тоже, а он ещё такой шипит что-то по-своему, только я и разобрал из всего: «Рус Ивашка».

Ну, я ему тоже выдал в ответ: «А ты шакал художадый!» Небось, если бы не атака, так бы и сцепились с ним прямо там же, на поле.

И тут вылетают вперёд князья да начальство союзников с мечами и саблями наголо, ну и мы за ними тут в галоп ударились.

Вылетали наши сотни на кочевье половцев уже с самым рассветом.

Для меня это самая первая битва была, и всё смешалось тогда в каком-то сумбуре. Только помню, что вынесло меня к кибиткам. Стоят щиты, сплетенные из ивняка, а за ними копчёные суеются. Кто из них орёт что-то, кто свой лук ладит, а у кого уже и сабелька или копьё в руке наготове.

Перед защитными щитами здоровенный такой половец стоит, огромную оглоблю в своих ручищах держит и ею уже замахивается, вот как даст сейчас, так и костей не соберёшь.

У меня в руке сулица была, я её и метнул с ходу, а сам дальше несусь. А куда? Входа-то нет впереди, коня останавливать мне даже на миг нельзя – сразу же для стрелка лёгкой мишенью станешь. Только вперёд!

Ну и полетели мы с моим Сивкой прямо. Как прыгнул мой жеребец, только вихри снежные в стороны! Словно птицей мы с ним взлетели! Лёгкий я был тогда, оттого, видать, и перелететь ту ограду смогли.

А за мною, смотрю, берендеич летит, тоже, значить, перескочить сумел и скалится так на меня глядячи. Словно кричит: «Не только ты так умеешь, и я тебя ничуть не хуже могу!»

Ну и давай мы там крутиться да сечь всех, кто только нам под руку попадётся.

Наши-то сотни только влетали вовнутрь становища, и пришлось нам тогда несладко. Помню только, как конь берендеича начал заваливаться. Сразили его, а он с седла сам слетел в снег, видать, потому как оглушённый был, и пара копчёных его уже насадить на копыта подскочили. Где только у меня силы столько взялось, подлетел я к ним – одного мы Сивкой втоптали, а другому я саблей шею рассёк, и фонтан крови выше коня взлетел, видно, ему самую жилу

рассёк! Ещё от двоих, что подскочили, отбиваюсь еле-еле, всё, думаю, не сдюжу больше, конец мне пришёл. Ну а тут уж и наши во внутрь ворвались и с гиканьем да свистом пошли по всему становищу всех рубить!

В общем-то, вся война на сегодня у меня и закончилась вот на этом.

Кругом ор стоит, бабы половецкие визжат, детишки плачут, кони ржут. Шум стоит непеносимый! А на меня как оупение какое-то нашло, морок, видать, от большого-то выброса адреналина.

И Андрей, увидев непонимающий взгляд Митьки, поправился:

– После боя как будто силы отнялись резко. Сел я тогда на кошму у разворошённого и остывающего костра под десятским медным котлом. Да зачем-то, и сам я не пойму сейчас, взял деревянный черпак и помешиваю, значит, в нём навар с кониной. Ну а тут как раз мимо сотник Добрыня проезжал да давай смеяться во всё горло: «Кому война да бабы, а Волчку вон всё бы пожрать чего!»

Рядом ребята из дозорной сотни были, и тоже давай все вместе хохотать. Ну, тут я и встрепенулся, задразнят теперь, поди, в дружине, покраснел сильно. А Добрыня мне так уважительно, в первый раз он со мною так: «Смех смехом, а ты, Андрейка, молодец, не журишь, паря! На подлёте сумел и сулицей здоровяка с оглоблей завалить, и щиты перемахнул как лихо высоченные, да и тут не оплошал, гляжу, двух-трёх воинов вражых внутри посёк и вон даже берендейку нашего сумел отстоять. В старшие детские перейдёшь, о четырнадцати годов, возьму я тебя к себе в дозорную сотню. Хотя и риск есть, конечно, а ну как объёшь мою гридь, вон ведь жор-то у тебя какой отменный», – и, вновь засмеявшись, сотник со своими рубаками поскакал куда-то к центру табора.

Я же на месте остался. Сивку своего осматриваю, кровь ему с боков обтираю. Не чаял ведь уже сам уцелеть, и за коня своего страшно. Как родной ведь он мне был, из такой сечи вынес, вот и высматриваю, а нет ли где ран у него? Ну да обошлось как-то, кровь та чужая на нём, и ни одной раны своей тогда не было.

И тут слышу за спиной голос с коверканьем таким, не русский: «Здоров будь, вестовой!»

Оборачиваюсь я резко, а ну как половец какой недобитый подобрался. А это стоит серьёзный берендеевский начальник. Позади него – пяток его воинов, и о правую руку стоит мой давешний берендейка, тот, с кем мы так подрались только недавно хотели. А старший берендеич мне и молвит: «Как зовут тебя, удалец, из каких ты сам будешь?»

Ну, я ему отвечаю с достоинством: «Зовут меня Андрейка, сын я десятника Хват Ивановича, что при князе Рюрике состоит. Сам же я вестовой, из детских, князя Мстислава Мстиславовича Удатного».

«Хорошего воина твой отец воспитал. Да продлятся славой годы его, знакомы мы с ним. Ты же мне, Андрейка, сегодня сына в бою спас, за то – великая благодарность тебе самому и батюшке твоему от меня, Шарифулы из рода Хайдара, сотника личной ханской стражи. Прими этот мой скромный дар». И снимает с себя великолепный кинжал.

Я о таком даже и мечтать-то никогда не смел. Ножны у него в серебре, с золотым червлением, всё там в узорах и в записях обережных. Я его в руки взял и замер, не знаю, что и сказать надо. Всё смешалось как-то в голове.

Берендей на меня посмотрел и усмехнулся: «Вижу, понравился тебе мой дар. Этот кинжал великими мастерами из Дамаска сделан, владей им на славу, молодой воин! А это сын мой младший, Азат из рода Хайдара, он тебе сам свою благодарность потом выразит. Ну а мы пойдём дальше и не будем мешать разговору мужчин». Легко так поклонился и ушёл со своей свитой.

Стоим мы напротив друг друга с берендеичем и друг на друга смотрим. Тут он улыбается так широко и весело, шагнул ко мне да руку протягивает: «Спасибо тебе, рус Андрей. Спас ты меня от смерти позорной, чуть было во взятой уже веже шакалы не утыкали копьями, если б

не ты... Должник теперь я твой, а коли позволишь, так и брат по духу, ты мне своей отвагой и дерзостью близок и люб».

Ну, вот что-то примерно такое и сказал, правда, сильно слова коверкая, но всё же понял я всё.

Пожал я его руку, ну и тут мы с ним обнялись. Так у меня стало ещё на одного брата больше. Тот обет братства мы с ним чуть позже закрепили, и до сих пор столько уж лет прошло, а за честь его держим.

Ну, ты дядьку Азата-то хорошо помнить должен, не раз он в гостях у нас бывал.

Потом были у нас быстрые сборы. Нужно было уходить от неминуемой погони разозлённой орды. Часть войска след путали, большая же часть гнала к себе выюки с захваченным добром и вязанных пленных на конях. Да ещё сами половецкие табуны перегоняли. Добыча у нас тогда была огромная! Одних только коней больше десяти тысяч мы тогда взяли. И что самое главное, от рабства копчёных больше четырёх сотен рабов из русских людей высвободили.

Помогли нам тогда и непогода, и доблесть заслона, погоню придержавшего, а только через два дня мы уже за Рось смогли выйти. Ну а там уже наша земля с засеками и сторожевыми заставами дальше пошла. Так что не смогли нас там половцы взять. Со славой и добычей великой мы вернулись домой.

Детским большой добычи не полагается. Ну да за свой труд ратный я был, однако, отмечен изрядно. Получил коня воинского с полной сбруей, да амуницией, саблю, лук отменный степной, с саадаками и вот этот наш медный десятский котёл.

Вся сотня тогда смеялась: «Это Волчку на прокорм!» Ну да смех тот был уже не обидным, уважительно так посмеивались, как старшие братья над младшим. Так вот я стал настоящим воином и для себя, и для всех в нашей дружине...

...Где-то на болоте кричала выпь, в гуще соснового бора ухал филин. А Митя сидел у костра и всё переживал да прокручивал в голове только что услышанный отцовский рассказ. Вот бы и ему какой подвиг совершить! Да чтобы непременно тятя им гордиться бы смог, ну вот как он им сейчас!

Андрей же подбросил дровишек в костёр, погладил мальчика по голове и по-доброму, легонько так толкнул к подстилке:

– Ну, всё, давай спать, Митяй, завтра у нас с тобой трудная лесная дорога с грузом предстоит, и силы нам с тобой ох как будут нужны.

Глава 8. Ратный труд и ученье

После обработки мёда и отделения от него воска в больших горшках на тёплой печи, опосля, взялись и за другую работу.

Подкашивали небольшими косами-«горбушами» траву на опушках да ломали большие веники для прокорма зимою коз.

Приплод от этой весны Андрей решил не забивать, а оставить себе весь. В планах его было поменять только рогачей на племя, чтобы только не допустить кровосмешения. Поэтому и корма того требовалось поболее, чем он рассчитывали ранее. Вот и трудились весь день не покладая рук.

А ещё, помимо всего прочего, на первое место вышел труд ратный!

Спозаранку, когда солнышко только выходило из-за горизонта, Сотник резкой командой «Подъём!» вырывал из мира сладких снов Митино сознание. И если подъём этот, не дай бог, был недостаточно резким и бодрым, то потом опять следовала команда «отбой», и так по несколько раз по кругу. Пока окончательно проснувшийся мальчишка уже на ходу не влетал в свои расстёгнутые портки и онучи из крепкой воловьей кожи да не успевал выскочить стрелой за дверь.

Быстрей, пока не успели положить обратно!

Затем следовал бег по пересечённой местности, то бишь по лесной тропе, оврагу, полянам, а иной раз и болотцу или буреломному коряжнику. И везде нужно было уметь держать дыхание и быть готовым ускориться, вслед за, казалось бы, стожильным отцом. Было тяжело...

Но ещё тяжелее стало, когда на плечи его легла кольчуга. Она и так-то была тяжёлой да великоватой к тому же, а тут ещё между бегом зачастую приходилось делать всякие упражнения, как тоже, к примеру, отжимание на кулаках. Причём неважно где, хоть на земле, или в луже, а хоть бы и на каменной осыпи, там, где только застала команда Сотника. Всё это чередовалось подтягиванием на горизонтальной лесине, или ползанием по-пластунски – ужом. А то и вовсе какие-то замысловатые комплексы, как их мудрёно называл отец, приходилось выполнять. И включали они в себя и растяжки рук и ног, и разработку всевозможных мышц и суставов да сухожилий всего тела.

Так что выматывался Митя изрядно. И, уже прибежав обратно к дому да умывшись ледяной и обжигающей студёной водицей по пояс, а опосля обтеревшись грубым сукном до горячего, приступали они к разному роду воинским упражнениям.

Упражнения, опять же, были как с оружием, так и без него. Без оружия – тятя называл всё это то пластунским боем, а то боем рукопашным или же борьбой. При этом ставил он сыну не просто умение к броскам: через голову, плечо, бедро, колено, мельницу и прочее, а самое главное – учил он чувствовать своё тело и тело противника. Учил понимать, когда оно и как именно напряжено, и куда оно, это вот самое тело, было готово дальше двигаться. Что последует вот за этим вот круговым движением, и как в этом самом движении он может что-то поменять или сделать что-нибудь для своей же пользы. Учил гибкости и силе одновременно. Учил, как эту самую силу противника, какая бы она ни была яростная и великая, обратить в свою же сторону, чуть изменив её направление и поменяв сам узор броска или схватки.

Много времени уделялось умению всегда и всюду держать равновесие:

– Какой же ты воин, если даже с жердины при первом же толчке кубарем, как заяц, слетаешь? Эдак тебе и на ушкуе не устоять, когда ты на abordаж идёшь. Да на кольях стены, когда крепостицу приступом берёшь. А там ведь приходится самим ужом яростно крутиться между мечей да копий защитников.

От того-то танец, а по-другому это никак и не назовёшь, на наклонных, разложенных между сарайками шестах да ещё и на приличной высоте становился всё сложнее и разнообразнее.

Тут тятя уже не довольствовался просто тычком слегги. Нет, теперь в ход шли копыя-сулицы, конечно же, без наконечника, с кусками обмотанной плотной глины или камня вместо них. А уж про то, что шевелить и раскачивать эту самую жердину, так тут уж и говорить нечего. Да и много чего ещё там было.

Падал поначалу Митя часто и очень обидно, но со временем всё реже и уже совсем без былой боли. Тело с тренировками само научилось группироваться и выбирать для себя наиболее рациональные движения и самую лучшую защиту. Тем более что под жердинами давно уже не было никакой подстилки из соломы.

«Это как дополнительный стимул не хрюпаться, как лягухе», – так вот доподлинно и заявил ему «добрый» отец.

А была ещё работа с мечом и копьём, швырковым ножом, сулицей да топориком. Была конная подготовка на отцовском жеребце Орлике. Рубка лозы с него и начальная джигитовка.

Стрельба из лука также требовала постоянного нарабатывания навыка. Да и лук сам Митяю пока что подходил только лишь самый простой и слабый, самый что ни на есть обычный охотничий однодревик. Попробуй-ка ты в двенадцать лет натяни тетиву из сложносоставного, композитного! Да ни в жизнь это не получится! Но результат тем не менее был, и уже с пятидесяти шагов положить стрелу в круг размером с голову Митя теперь уверенно мог.

А вот техника ухода от стрел и копий, конечно же, у него была пока слабая. И любой мало-мальски готовый воин лучник, да даже и обычный охотник лесовик, при желании за минуту мог бы нашпиговать мальчика стрелами. И поделаться с этим пока что-либо было сложно. Нужно было время, для того чтобы нарастить силу и резкость, да и чтобы реакция у парня была взрывной и отточенной.

В общем, работать было над чем, и работа эта шла ускоренными темпами. За всем этим и сам Андрей смог подтянуть свою физическую форму, восстановить свои боевые рефлексы и навыки. Ведь они у него здорово притупились после долгого лечения от ран, полученных от монголов в битве при реке Калке.

В общем, трудились над боевым совершенствованием все. Даже Волчку доставалось. Был он из породы больших северных остроухих лаек, что так ценились у знающих людей. Собаки эти испокон веков использовались для охоты на опасных зверей, таких как медведь, лось и кабан.

Натаскивали их особенно на загонную охоту лося. Так что с кровными боевыми качествами у него было всё нормально. Оставалось только выдрессировать пса как на борьбу со зверем, так и с лихим человеком, вот и будет у них ещё один помощник да защитник.

В качестве развлечения и прикорма в немногие часы отдыха и досуга была на усадьбе рыбная ловля.

Андрей сделал из четырёхметровых хлыстов орешника пару удилиц и оснастил их всем имеющимся у него современным снаряжением: леской с крючками, грузилами да поплавками.

И пошла у них рыбалка...

А рыбы, надо сказать, здесь было много! От плотвы и уклейки, которую и за рыбу-то тут не больно считают, до крупного, с лопату, леща, с сазаном и язя с налимом. Попадались на снасть также сиг, хариус и проходной угорь. Бил мелочь на стремнине жерех и разбойничал в камышах пёстрый окунь. Да какой только рыбы тут не было! Самое же главное, что была она вся тут непуганая и вовсе даже не испуганная рыбаками. Ты вот дай ей червячка или кобылку в качестве приманки, она тебя и порадует в ответ отменным клёвом!

Особенно хорошая рыбалка была на ближайшем к усадьбе озере. Вот и сегодня, в воскресенье, в день, свободный от учения ратного да основных работ, непривычно отоспавшись, пошлёпали рыбаки к своей излюбленной заводи. Озеро тут делало живописный изгиб. Берега стояли поросшие камышом, а на самом берегу с выходом на воду лежала здоровенная такая лесина. С неё-то и было удобнее всего тут удить.

Вот поплавок повело чуть в сторону, резкий кивок, и Митя ловко подсёк неизвестную ему ещё пока рыбу. Леска натянулась как струна, прочное ореховое удище аж затрещало от большого напряжения, но паренёк не сдавался и потихоньку вываживал свою добычу к берегу.

«Нужно бы вообще соскочить на него с лесины, ибо с дерева-то такую рыбу не взять!» – подумал он и прыгнул в воду. И вот наконец из воды показалась голова с тёмной спиной.

– Тятя! Да это ж сазан какой, ты смотри! Да не просто сазан, а сазанище!

– Тяни-тяни, не давай ему слабину! – усмехнулся отец и тоже подсёк хорошего подлещика.

– Да, тятя, с такой-то снастью можно хоть какую рыбу ловить, и всегда с ней при добыче будешь. Тут никакие обрывы да сходы тебе не страшны! Не то что с волосяной или холщовой снастью. Опять же и крючки вон какие тут острые!

– Да не всё дело в снасти, сынок, главное, чтобы самой рыбы хватало, да и умения и старания у рыбаков были.

А поплавок снова нырнул, и теперь уже Сотнику требовалось всё умение, чтобы вытащить из озера приличного язя.

Скоро у обоих рыбаков на шнурах, пропущенных через жабры, шевелила хвостами в воде изрядная рыба стайка.

– Вот и на уху да жарёху наудили мы с тобой, Митяй! Давай-ка я её теперь всю выпотрошу да почишу, а ты пока печь в избе затопи и жаровню-утятницу приготовь. Под уху же тот средний горшок, что без ручки, думаю подойдёт и в самый раз там будет. Её нам как раз на два раза с тобой и Волчком тогда хватит.

Еда тут летом долго не хранилась, ибо холодильников и морозильных камер не было, а ледники – специальные погребки, набитые речным льдом, – уже к июлю вытаивали полностью. Так что готовили пищу всегда на раз, ну, максимум это на два раза. Зато и ели, конечно, в основном всё свежее.

Митя какой уж раз попробовал уговорить отца не отправлять его на зиму к старшей сестре в Новгород. Дескать, тут по хозяйству отцу он в помощь. А ну как тот на охоту уйдёт да на неделю на ней и задержится? А скотина-то ведь без присмотра вся тогда останется! Ну, и опять же воинское обучение прерывать никак нельзя. Не то все навыки таким-то потом и шишками наработанные в раз утратятся! Да и вообще там, у Аннушки, он не больно-то уж и нужен.

У неё же и своих-то вон двое: Алёшке шесть лет да Дарьюшке уже скоро годик будет, а тут вон и ещё один рот нарисовался, корми потом его да обстирывай.

Но Андрей на все эти детские хитрости не вёлся и был неумолим:

– У нас с тобой был уговор, сын, что под зиму с плотницкой артелью убудешь ты к Анне. Там же не дармоедом тебе надлежит быть, а исправным помощником! Забыл?! И вообще, сам должен понимать, у её мужа Артёма, десятника из личной воинской сотни владыки, служба всегда стоит на первом месте. Он дома может и месяцами даже не бывать, всё за погаными язычниками по дебрям гоняясь. А как не мужчине, родичу со стороны жены, быть защитой в доме в его отсутствие? Время-то вон какое лихое-то ноне! Новгород постоянно бурлит, то князя погонят, то архимандрита самого в Киев отправят, а то и просто побузотёрить народу надо. На вече глотки да бороды дерут, а опосля по посадам рыщут с дубьём. Где и чего разорить можно, всё там выглядывают. – И, видя, как поник Митенька, искренне его жалея и понимая, добавил: – Есть у меня к тебе важное дело, сын.

И Митя, почувствовав, что отец уже не хитрит, как прежде, отсылая его к сестре под юбку, стал внимательно слушать.

– Расскажу я тебе подробно про все свои планы, сынок. Как-никак, а ты моя главная опора и надежда, родная кровинушка, и должен ты всё это знать. Ну, так слушай.

С плотницкой артелью Луки Тесло, что у нас ставила о позапрошлом годе всю усадьбу, был такой уговор. Как только они закончат свой ряд в Торжке да будут возвращаться Селигеровым путём назад в Новгород, сделают они небольшой крюк к нашей усадьбе. И от Рождества Пресвятой Богородицы⁶, примерно три седмицы до Покрова, то есть до первых хороших заморозков, у нас тут здесь и поработают. Правда, вот запаздывают они что-то к урочному сроку. Ну да задаток-то уже получили, поди ж, теперь нас не обманут. Артельный Лука сам муж серьёзный, да и артель ему подобралась вся под стать. Так что думаю, что со дня на день можно бы их уже здесь ждать. Ну а как первые заморозки пройдут, надлежит тебе идти с ними в Новгород. Артельные те тебе же в том защитой будут, и не удивляйся так. На хороших плотников не больно кто и рыпнется из лихоимцев! Они же всю жизнь с топором за пазухой живут и любому тому лихоимцу укорот дать смело смогут. Да и ты, если что, им уже воинская подмога, – и подмигнул при этом Мите. – А вот по прибытии в Новгород надлежит тебе найти моего доброго приятеля из купцов – Путятю Селяновича. Где и как, я тебе потом отдельно и подробно расскажу. Купцу тому, Митрий, передашь от меня суму с вещами да грамотку берестяную. Сума та будет совсем небольшая, но зато очень и очень ценная! Поэтому и держать ты её будешь при себе постоянно, впрочем, так же, как и грамотку. И никому ничего не показывать и не рассказывать, окромя только того самого купца!

Затем, так и быть, если у Анны с Артёмом всё будет ладно и спокойно, а сам зятьёк будет на месте, то можешь тогда уже и возвратиться в нашу усадьбу.

В конце ноября, начале декабря, нижним путём по первому зимнику реки Полометь от купца Путяты на Торжок пойдёт большой санный обоз. Пара тройка саней от него и заберёт тот весь приготовленный нами к торгу воск да мёд. И вот с этим-то вот самым обозом ты и сам приедешь, а и может, и какую грамотку мне привезёшь от того же Путяты, да мало ли ещё от кого, – и при этом прищурился так остро. – Да и в санях этих кое-что уже по моему заказу будет, так что считай, что ты и как приказчик, и как охрана нашего добра выступаешь! Цени, сын, доверие! – и улыбнулся ему поощрительно.

⁶ 21 сентября нового стиля.

Глава 9. Плотницкая артель

Осень всё сильнее вступала в свои права. Уже сбивались в стаю перелётные птицы. Ставили на крыло молодых и совершали перелёты с одного болота или озера на другое.

Вот-вот они закурлыкают в небе и потянутся длинными клиньями в дальние южные страны.

От недалёкого леса за рекой слышался рёв лося. Там шли турниры сохатых по отбору самых здоровых и сильных самцов. Тех, что смогут дать жизнь будущему потомству и защитят его от острых волчьих клыков лютой зимой.

В избе уже постоянно подтапливалась печь и заводил за ней песню на своей скрипочке чёрный сверчок.

А за слюдяными окнами с вечера стояла холодная темень. В доме же самом было тепло и уютно.

Бездельничать тятя вечерами тоже не давал. Коли восковые свечи светят – значит, это кому-нибудь нужно!

Похоже, что нужно это было больше всего самому тятю. Иначе как и объяснить, с каким рвением и усердием он передавал Митяю всевозможные премудрости, науки да знания? Откуда и ведать-то столько мог!

Науки те касались всего. От мироустройства и богословия до счёта с письмом, глаголицей и сложением.

Скрип от начертания на бересте доносился, наверное, до Волчка, что жил себе в сарайке на сеновале и отвечал за охрану хозяйской птицы со скотиною.

Были, конечно, и хорошие науки. Назывались они история, география и чудное такое название – ботаника или зоология. Как интересно было слушать про завоевания воителей древности: того же Александра Македонского или же князя Святослава! И представлять потом, уже лёжа на постилушке, одного из этих славных героев.

Слушать про далёкие жаркие страны, где люди ездят на слонах, огромных таких животных с большими ушами и хоботом. В огромных лесах-джунглях скачут стаи смешных обезьян, поедающих невиданные фрукты – бананы, а за ними охотятся огромные змеи – удавы да могучие коты – пантеры!

Такие-то вот уроки хоть и всю ночь учить можно! Но тятя хитро чередовал их друг с другом. И опять приходилось Мите аккуратно выводить стилем на бересте – аз, буки, веди. Да постигать непростое лекарское искусство...

Вот в один из этих самых вечеров, когда после ужина только было, и сели к столу для урока, вдруг по-особому зло залаял в сарайке Волчок.

Митя и глазом-то не успел моргнуть, как переменявшийся на глазах отец грозной молнией метнулся к оружейной и уже оттуда буквально выкатился каким-то размазанным и стремительным движением в сени. Он только и расслышал его рык «Тревога!» да разглядел в отцовских руках меч с топориком и пару метательных сулиц.

Наконец и его тело на автомате, уже сто раз отработанным движением выдернулось из-за стола. Подхватило охотничий лук с колчаном стрел, небольшой меч на поясе да замерло напротив входа, готовое к бою. А сознание всё тукало: «Враг, рядом враг!»

Отца в сенях уже не было. Снаружи не разносилось никаких посторонних звуков, кроме заливающегося лаем пса. Что там? Может, тятя бой с врагом ведёт неравный на подходе?

– Может, он ранен уже и ему там нужна помощь?! А я тут дом, как обозный какой, сторожу! – горячился Митя.

Но отцовский указ на такой случай был твёрдый: держать оборону и никуда без приказа не выходить!

Вот и приходится только крепко сжимать лук с наложенной гранёной стрелой. Да вслушиваться напряжённо в ночь.

– Отбой, Митя! Отбой! – донёлся до него отдалённый и весёлый голос отца.

Уф... Ложная тревога, и тут отлегло от сердца.

Совсем уже рядом раздалось топание ног и ещё чей-то негромкий да покашливающий смехок.

Вот так да! Отец возвращался не один. За ним с дорожными мешками за плечами да всяким хитрым инструментом в руках выступала долгожданная плотницкая артель.

– К тебе, Андрей Иванович, уж и не подойдёшь гостем незванным! Ребята хотели было пошутить, да я вот отговорил. Знаю же, чем шутки такие с тобою заканчиваются. Дырок им мало, что ли в башке, так мигом ещё прибудет, и не заметишь даже как, – и снова, тихо кхекая, засмеялся.

– Да ты уж наговоришь, Лука, – улыбнулся отец. – Я если только и укоротить что, если у кого слишком длинное там отросло да теперь мешается! – И вся артель дружно загоготала над отцовской шуткой.

– А по части наделать дырок, так это уже можно к Митяю. Опустит лук, сынок, да подойди поздоровайся с мужами честными и с работниками отменными.

От такой похвалы да беседы доброй у всех как-то стало враз легко на душе. И уже на предложение Сотника заходить в избу, согреться с дороги да поснедать, что Бог послал, все с радостью и улыбкой поспешили в сени.

– Ноги холстиной тщательно обтирайте, охламоны, чай, белая изба, да и снимите все свои онучи у порога! – отдал команду артельный. И зашёл в дом, поклонившись и перекрестившись на иконы в чистом углу. – Мы помним, Андрей Иванович, порядки твои, и как ты за свинство и неряшность Ослю о позапрошлом годе проучил да в яме его помойной испукал!

При этом самый здоровый детина, на котором-то и держалась вся ломовая работа в артели, ещё сильнее заработал ногами, счищая грязь и громко сопя.

– Но теперь-то Ослю уже сам чистюля, ни в жизнь не врюхается в грязь!

И все опять рассмеялись.

– Ну и ладушки.

– Митрий! Тебе баню затопить да воду в неё наносить из кадки огородной. Темно, конечно, на дворе, ну да ничего, ты справишься. Вы же, гости дорогие, с дороги устали, поди, так что рассаживайтесь тут пока по лавкам да и ноги вытягивайте, отдыхайте. Сейчас я вам ужин в печь поставлю, благо истоплена она. Вы в баньке попаритесь, покушаете, а там и медовухи с устатку отопьёте ну и расскажете, что в мире нашем делается-то нонче.

Артель Луки Тесло, вернее, её профессиональное ядро, состояло из пяти человек, было ещё в ней двое, но они были с Руссы да Торжка, и ушли уже на зиму к себе. Тут же была большая Новгородская её часть.

Сам Лука Тесло – мужчина где-то сорока пяти лет от роду. Невысокий. С небольшой рыжей бородкой клинышком и говорком въедливым да эдаким кхекающим. Про таких в народе говорят – невидный. Но если взглянуть в глаза мужику да присмотреться к нему самому повнимательней, то сразу же становится понятно, что это прирождённый лидер. Взгляд прямой, уверенный, такой с прищуром. Походка твёрдая и цепкая. Да и характер такой же. Спуску он своим не давал! Как говорится, держал хвост пистолетом и всех в ежовых рукавицах. От того в артели его был всегда порядок и взаимопонимание, да и достаток, разумеется, чего не скажешь про другие склочные ватаги. Нет, тут был свой лидер, и его уважали! Да и было за что. За тридцать лет плотницкой работы где только и что ему не пришлось строить. От резных княжьих теремов и церквей с колокольнями до крепостей и острогов на дальнем с емью и свеями порубежье. А уж про избы да всякие там хозяйские постройки – тут уж и говорить было нечего!

Братья-близнецы Первак и Вторак – им примерно лет по двадцать пять. Как их там по старшинству появления родители окрестили, непонятно, ибо были они похожи друг на друга как две капли воды. И характером похожи, и по сложению. Да и вообще по всему как видно – одинаковые они. Обоим невысокие, широкие, как кадка, а уж как брёвна катали да топором работали, так это просто на загляденье. И всё это с шуткой простецкой да с улыбкой на широком и конопатом лице.

Гудым. Лет под сорок. Полная противоположность близнецам. Худой и жилистый, с вытянутым сероватым лицом. Волосы чёрные, с проседью. Видать, хлебнул лихого в жизни мужик. Сам молчун, слова-то от него не услышишь порою за целый день. Но зато отделочник он отменный и по тонкой работе ему замены нет. Ценит его Лука, значит, и человек он надёжный. Лука ведь плохого возле себя держать ни за что не будет.

Ну и, собственно, Ослопя, лет тому двадцать два – двадцать три от роду. Этот детишка был силой наделён огромной. Сам он на голову был выше всех. Характер же имел, как у ребёнка, – простой и доверчивый, любил он посмеяться от души и послушать, как бают другие. Был очень дружелюбен. Делал беспрекословно всю и любую тяжёлую работу артели. Его огромные руки казались брёвнами по сравнению с руками того же Гудыма или Луки. Голова же с огромным носом картошкой и большими ушами, словно пельмени или пирожки, очень комично смотрелась на его широченных плечах.

Намывшаяся да напарившаяся в баньке артель, разместившись за столом, вкушала всё, запивая духмяной, настоящей на травах хозяйской медовухой.

Каждый ел по своему разумению и привычке. Близнецы метали ложки с разваренной пшеничной кашей из большого горшка наперегонки с Ослопей. Гудым же с Лукой снедали весьма степенно и неторопливо, ведя при этом беседу с хозяином, что тоже сидел тут же на лавке, да потягивали медовуху с настоем мяты.

– Так что сладили мы ту церковь в Торжке, Андрей Иванович, что подряжались о позапрошлом годе. Уложились-то мы в срок, но уж больно батюшка просил ему новую избу поставить. А как же можно Божьму человеку-то отказать? Вот и под задержались мы на седмицу к тебе.

– Да ему ещё сараюшку перекрыть понадобилось, – вставил своё слово Гудым.

– Ну да ничего, шли ходко и пару дней в дороге отыграть смогли, – продолжил артельный.

– Да ничего, Лука Мефодьич, вы работники справные, вас укорять и подгонять языком ни у кого не повернётся. Ты расскажи-ка лучше, что в земле Новгородской, да на Русиматушке, и в мире самом делается? У нас-то тут только сорока и приносит все вести с соседнего болота. Вы же там, в Торжке, словно на перекрёстке дорог были, небось, и все вести через вас прошли, не миновали.

– То да-а... – протянул Лука солидно. – Торжок – город шумный, испокон веков, от варягов ещё по нему путь в море Хвалынское и магометанский халифат проходит. От того-то и сам город людный, да и торг на нём весьма богатым будет.

Цены на рожь, овёс да пшеницу ныне были низкими, ибо уродилось всё отменно. Меха пока тоже невысокой стоимости, потому как новые ещё после промыслов не подошли, а все лучшие уже в германские земли купцы повывезли. Так что спрос пока на них невелик будет. Мёд да воск как обычно в цене. Сколько ни поставишь своё, Андрей Иванович, всё у тебя по хорошей цене заберут, тут уж без изменений, думаю, что ты не продешевишь.

А вот заморские восточные товары, те в цене сильно скакнули нонче, а всё из-за чего? А всё из-за беспокойного пути от Булгара до Итиля и ещё ниже, аж до самого устья. Половцы, те так вообще как взбеленились, и всё после того, как их монголы побиили. Никаких договоров пути они уже не соблюдают, и каждый торговый караван норовят пограбить. А уж сколько разбойных шаек развелось по обоим-то берегам Волги!.. – И закачал головой. – Одно слово

– беспокойное нонче время. Да и на наших землях их очень много что-то в последнее время развелось! Одни вон ватаги Свири кривого да Чудина Мечника только чего стоят!

То они у купцов каких товар слихоимничают, то путника бедолагу зарежут, а то и вообще на дальней рощищи селище смердов каких разорят, или пожгут его вовсе.

Князьям-то сейчас некогда за порядком следить на своих землях, всё бы им соседа своего воевать да в поход какой сходить за добычей. Тут уж не до люда простого, не до защиты его! – И посмотрел искоса на Сотника.

– Есть в словах твоих правда, Лука Мефодьич, о том я и сам думаю нередко. Но ведь не в княжьей службе я сейчас, ты же это и сам знаешь. Не смогу я мысль здравую до князя донести, да и не стал бы он меня сейчас слушать, пожалуй. Сам вот погляди, у Удатного одна забота – как Галицкие земли под себя прибрать. Владимирские и черниговские князья вон за стол киевский режутся. До разбойников лесных им теперь, что ли? Так что тут самим надо думать, как и себя, и ближних своих сообща мы сберечь сможем.

– Ну да. Прости, Андрей Иванович, сбился я, разволновался что-то, никак медовуха твоя виновата, уж больно гожая, вон как в голову-то ударила, – и засмеялся, привычно кхекая. – Похоже, как мне уже довольно на сегодня будет... Да и вам, ребята, по крайней чарочке и на боковую. Уже и устраиваться опочивать пора, время-то нынче позднее. Завтра всем за работу спозаранку, и чтобы на головную боль никто даже кивать не вздумал!

Артель согласно закивала головами и зашевелилась.

– Ну да продолжу я по новостям... Крестоносцы ордена меченосцев захватили Юрьев в землях эстов. Побили при этом они и русь, и эстов. Как самих мужей, так и женщин с детьми посекли. Разорили да пожгли они и посады, и торговые подворья, всё. При обороне города погиб сам князь Вячко Полоцкий. А вот новгородское войско на подмогу так и не успело прийти, дошли они только до Пскова, после чего и замирились уже с рыцарями.

Латиняне: французы и англы воюют между собой.

Булгары разбили монгольское войско темников Субедея и Джебе, ну а те ушли к себе через половецкие степи.

Андрей скрипнул зубами:

– Значит, ушёл Субедей?

– Ушёл. Говорят, Андрей Иванович, только треть войска, что осталась с ним, с собой он обратно увёл. Ушёл волк... Вернётся ещё. И не один придёт... – Лука внимательно посмотрел в его глаза и промолчал.

– Ладно, Лука Мефодьич, давай немного поговорим и о наших делах... Подробнее мы, конечно, завтра обговорим всё, а пока же в общем, так, для намёток своих, – и, видя, что старшина согласно кивнул, продолжил: – Когда о позапрошлом годе эту усадьбу ладили, леса вы много наперёд наготовили да и на сушку всё здесь выставили. Так что чем строить да ладить пока у нас материал тут есть. Но нужно мне, артельный, от вас работы гораздо большей, чем изначально же нами планировалось. Задумки у меня обширные и не на один год вперёд. Требуют они, конечно, больших денег, и с этим пока у меня не всё ладно. Но да то забота моя, и я всё это улажу. От вас же мне нужен честной труд, так же, впрочем, как всегда, и, пожалуй, что со следующей весны работников потребуется мне теперь гораздо больше. Ты пока там, в Новгороде, зимовать будешь, подумай, кого ещё позвать в свою артель можно. Ну да не мне тебя учить, как и каких людей для дела подбирать нужно.

Итак, старшина, за эти три седмицы мне нужно, чтобы вы подняли под кровлю один сруб большой, в коем будут жить сообща более пяти десятков воев. Ещё потребуется сруб под конюшню. Сенник и овин под большое стадо. Нужно будет ещё пару хозяйских построек срубить: амбар и баню обязательно.

А та баня, которую я задумал, должна быть по-белому, с мыльней и отдельной парной. Всё это нужно обнести, конечно, со временем, в недалёком будущем, хорошим забором с мостиками для боя в осаде и для стрельбы с луков и самострелов.

А пока же попрошу я тебя прикрыть усадьбу самым что ни на есть простым забором, из тех же жердин и хлыстов с вершинками, да ещё и с рогатинами косыми, чтобы не каждый вдруг или с разбегу там, скажем, преодолеть бы его смог. Ну и опять же чтобы скотина с усадьбы не разбредалась да в огород бы не лезла. На огороде мне тоже кое-что нужно сделать, – и Сотник начал быстро чертить эскиз небольшого парника-теплички. – Нужна яма квадратом, с длиной сторон по семь локтей каждая, глубиной же примерно в три локтя. Её требуется перекрыть срубом так, чтобы верхняя косая рама смотрела лицом строго на юг, а все же остальные стороны были прикрыты тщательно подогнанными и проконопаченными венцами. Раму же ту я попрошу вас сладить из особого прозрачного материала, что у меня как раз и припасён для такого случая. Для этого уже потребуется особо тонкая работа столяра Гудыма и наличие столярного клея. Он у вас есть, надеюсь?

– Как не быть? Есть, конечно, – Лука взирал на всё это творчество Сотника на столе с заметным удивлением. – Знал я, что ты, Андрей Иванович, затейник великий, вон и избу какую заказал, и печь удивительную в ней сложил. И всё-то у тебя так к месту и ладно выходит. Но вот что ты ещё и чертёжной грамоте обучен, о том мне было пока неизвестно. Уважаю! А вот для чего тебе этот срубец, на огороде вкопанный, нужен, никак себе пока я в толк не возьму...

– То, Лука Мефодьевич, детинец для растений разных, в том числе и из дальних южных земель. И нужно мне, чтобы эти теплолюбивые растения заморские не помёрзли бы от холодов и от морозов наших в капризные весенние месяцы. Ну а как они окрепнут, то можно будет потом их уже и в грядку открытую из детинца этого на огороде высаживать. Рама же та диковинная нужна для того, чтобы свет к тем растениям пропускать. Ну и от холода она опять же, конечно, их защищать будет. Примерно такая же самая работа нужна будет и по самой избе. Хочу я так же сладить на окнах вставные рамы и из того же самого материала, чтобы свет в избу пропускать, и от непогоды да морозов защитой быть. Пока же у меня на стенах только два маленьких оконца, что заделаны мутной слюдой. Необходимо же прорезать ещё одно сбоку и все их увеличить под тот самый размер, какой я тебе покажу.

– Чудно! Чудно ты задумал, Сотник! – закивал головой артельный. – Работы, конечно, много, и вся она с антересом, а такой-то работой мне и самому заниматься в радость. Глядишь, и для себя чего антересного да полезного смогу перенять, а это ведь особенно ценным для любого мастера будет.

– И на здоровье, Мефодьич, присматривайся! А сейчас пойдём-ка и мы с тобой спать. Эвон как твои уже трели-то соловьиные выводят.

Завтра нам с Митяем спозаранку вставать, у нас же воинское учение продолжается. Потом-то и вы подниметесь, а мы-то и подтянемся к этому времени. Вас покормим да и обговорим всё по объёмам работ, оплате, кормёжке, ну и прочих условиях нашего ряда.

Работа шла скоро, каждый знал, что и как ему делать.

В первый же день Ослоня вырыл котлован, куда уложили, тщательно проконопатив, венцы. Гудым с помощью столярного вара и расщепленных дощечек собрал раму парника, закрепив на ней четыре метровых, ровно обрезанных квадрата из твёрдого полиэтилена, что оставался у Сотника от дождевого тента.

Он долго и осторожно его трогал, мямлил, недоверчиво нюхал и даже попробовал на вкус самый кончик. Материал из далёкого века казался ему сказочным и бесценным. От того, наверное, и сделана была та рама со всей возможной осторожностью и ответственностью, так же, впрочем, как и вставные окна избы. Помещены же они все были в самую «оружейку» сверху и подальше от всех – с глаз долой!

А то вон Вторак с красным ухом ходит. Вздумалось ему этот самый чудный материал своими лапищами потрогать да помять, ну и прилетела от Гудыма добрая чурка!

Валили плотники боровую сосну на возвышенности, клали венцы казармы и расщепляли клиньями брёвна на доски. Ослопя «бабой» забивал колья под забор из жердей, ворочал тяжести вместе с близнецами и делал прочую ломовую работу. Над стройкой всё время стояло звонкое тюканье топоров да кхеканье Луки, вечно находящего всюду, что-то где-то не так и не эдак, да обещавшему виновнику этого безобразия кары великие и разнообразные.

Мужиков при такой тяжёлой работе, да ещё зачастую под дождём и на холоде, следовало кормить отменно. Чем и были заняты хозяева усадьбы, помимо, разумеется, обязательной своей военной подготовки.

Попытки напроситься в помощники к артели были ими дружно отвергнуты. Самим же просителям было указано на то, что «как полопаешь, так и потопаешь», и пусть бы они творчески занимались именно своим хозяйским, кухарским делом, а не лезли бы под руку, да не мешали занятым работным людям.

На этом было достигнуто обоюдное взаимопонимание, и Андрей с Митяем занялись добычей еды.

Были, конечно, в доме запасы крупы, овощей и муки. Козы исправно давали молоко, а от курей хватало яиц. Но нужно было мясо, и мяса было нужно много! А для этого нужно было или забить свою скотину, или же добыть дикого зверя.

Поэтому уже через неделю, после первых октябрьских снегопадов, когда закончилась битая на болотах птица, Андрей оставил на хозяйстве сына. Сам же, свистнув Волчка, устремился спозаранку к примеченному им логу. К тому самому, что зарос после давнего пожара широколиственным подлеском, и где всегда ранее можно было встретить следы лосей.

Глава 10. На сохатого

При лёгком морозце идти по слегка подмёрзшей земле было хорошо и удобно, а дышалось легко и свободно.

Где-то постукивал по сосне пёстрый лесной доктор – дятел. Перелетали с дерева на дерево, треща, сороки.

Недалеко, буквально на расстоянии с половины стрелища, мелькнула рыжая кумушка лиса. Видно, что вышла она по свежему снегу погонять зайца да распутать его хитрые петли следов.

Лес жил своей, вполне понятной Андрею жизнью.

Волчок крутился рядом, он поднял уже пару зайцев и недоумевал, с каким равнодушием на всё это смотрел хозяин.

Идти было недалеко, всего-то каких-то там пять или шесть вёрст. И вот, приближаясь к заросшему покату лугу, Андрей чуть пригнулся, взял лук поудобнее и пошёл как можно тише, выбрав такое направление, чтобы лёгкий ветерок дул ему навстречу и прямо в лицо. Волчку строго-настрого было приказано следовать у ноги хозяина и молчать, как убитому. Ну да пёс был уже натренированный и сам понимал всё с полуслова.

Лось же зверь чуткий, при неважном своём зрении он любой звук неосторожный или запах человека за пять стрелищ легко учуять сможет. Ищи вот его потом. Подойти же нужно было на верный выстрел. Ведь второй стрелы он может охотнику и не дать.

Так и крался больше часа, осторожно обходя кусты орешника и молодые деревья ольхи да осины. Впереди явно кто-то был, вот вспорхнул потревоженный рябчик да, шумно забив крыльями, улетел в сторону ручья. Волчок напрягся и вытянулся в струнку, шерсть на его загривке встала дыбом. Андрей зашёл за густой куст и приготовился.

Впереди среди деревьев мелькнула чья-то большая тень, вот ещё, всё ближе, ближе. А вот и он сам во всей своей красе!

На небольшую прогалинку вышел сохатый. Огляделся, скользнув вокруг спокойным, с достоинством взглядом, и потянулся к ближайшему кусту, обгладывая верхушки веток и оставшиеся ещё кое где жёлтые сухие листья. Был это бык-трёхлеток. Самая что ни на есть желанная добыча для любого охотника. Видно, недавно только он участвовал в гоне, но по молодости да по неопытности своей уступил более взрослым самцам, вот и пасётся пока теперь один.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.